

СЕРГЕЙ БУЛЫГА

ЗОЛОТОЕ ДЕЛО

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Сергей Булыга

Золотое дело

«ВЕЧЕ»

Булыга С. А.

Золотое дело / С. А. Булыга — «ВЕЧЕ», — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-7692-1

Поздней осенью 1595 года дошли до Москвы слухи, что в далёкой Сибири, в Югорской земле, объявилась некая зловредная ведьма по прозвищу Золотая Баба, которая подбила тамошних князьков на бунт. Выяснить, что там творится, отправляется знаменитый сыщик Маркел Косой, хорошо известный читателям по романам «Углицкое дело», «Царское дело» и «Сибирское дело».

ISBN 978-5-4484-7692-1

© Булыга С. А.

© ВЕЧЕ

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	22
Глава 10	26
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	34
Глава 14	38
Глава 15	41
Глава 16	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Булыга Сергей Алексеевич

Золотое дело

Глава 1

День двадцать седьмого ноября 1595 года выдался в Москве ясный, со снежком, морозцем. Маркел Косой, стряпчий Разбойного приказа, возвращался от ведьмы на службу. Болело в боку. Порезали его когда-то очень сильно, исполосовали кишки почём зря, как ещё живым тогда остался! Да и не остался бы, когда бы не Параска, это она привела тогда ведьму, ведьма обкурила его травами, заговорённой водой окропила – и прошло. Но иногда ни с того ни сего вдруг как схватит, как начнёт тянуть да резать – и Маркел опять идёт к той ведьме, ведьма опять его обкурит, окропит, заветное слово прошепчет, собачьим жиром с порохом помажет...

Вот так и сегодня помазала, в боку сразу немного отпустило, и Маркел пошёл на службу. Прошёл через пол-Москвы, наконец вошёл через Никольские ворота в Кремль, а там по Никольской же улице, мимо Патриаршего двора (снял шапку), через Ивановскую площадь подошёл к приказам. Возле Разбойного крыльца стояли сани, а рядом с ними прохаживались челядины с бердышами. Сани были дорожные, кони породистые, челядь в кармазиновых шубных кафтанах, все как один здоровенные, рослые, смотрели нагло, шурились. Маркел, поднимаясь по крыльцу, подумал, что это непростой гость к ним пожаловал.

И не ошибся. Когда он поднялся на второй этаж и зашёл к себе в палату, Котька Вислый сразу же спросил, видал ли Маркел, кто приехал. Маркел ответил, что видал, вот только не вызнал, кто.

– Э! – сказал Котька. – Значит, не видал, если не вызнал.

Маркел повернулся к Петьке. Петька объяснил:

– Щелкалов к нам пожаловал. По делу.

Ого, подумал Маркел, садясь за свой стол, Василий Щелкалов, государев думный дьяк, первый судья Посольского приказа, этот просто так ездить не станет. А Петька, подмигнувши Котьке, продолжал:

– Свезло тебе, Маркел Петрович. Щелкалов за тобой приехал.

– Чего это вдруг за мной, – сказал Маркел. – Я иноземных языков не знаю, какой из меня посол?

– Так толмача дадут! – встрял Котька. – А то и толмачку.

– Эх! – невесело сказал Маркел. – Какая толмачка! Да я чуть живой приплёлся. Ведьма говорит, скоро пройдёт, а вот не проходит.

– Так, может, ты её...

– Молчи!

Немного помолчали. Потом Петька опять заговорил, что если Щелкалов не кого-нибудь пригнал, а сам приехал, значит, есть важное дело. А дело какое? Может, Маркела к цесарю пошлют, а, может, в Аглицкую землю.

– А что, – уже с напором сказал Петька, – давно там не были, а когда великий государь был жив, так туда часто ездили.

– Так то было по сватовству, – сказал Маркел, – а теперь туда зачем?

– Ну, может, там что-нибудь потянули, – сказал Петька. – Ещё при великом государе потянули, может, какое-нить колечко царское, мудрёное, и только сейчас это открылось, и надо его срочно отыскать. Или вдруг в Гишпанию пошлют? Гишпания тоже богата, они за море ездят, к диким людям, а у тех золота как грязи. Наши в прошлом году ездили в Гишпанию...

Ну и так далее. Теперь Петьку было не унять. Видно было, что кривит и просто ради смеха зуба скалит, но как с ним поспоришь?! У него же старший брат, тоже подьячий, служит в Посольском приказе, и всё про них знает, вот Петька и пошёл чесать то про Гишпанию, то про Туретчину, то про Литву, как где живут, что пьют, какие где бабы...

А Маркел сидел и думал, что никуда ему не хочется, а только бы домой, на лавку, да чтобы в боку отпустило, а то просто рукой не притронуться!

Тут вдруг раскрылась дверь, вошёл Степан и сказал, что князь-боярин желает видеть Маркела. Маркел, поморщившись, встал, взял шапку, приложил её к груди.

– Э! – весело сказал Степан. – Чего ты? Может, тебя в Рим пошлют. У них лето круглый год, согреешься.

Маркел сердито хмыкнул и пошёл к двери. А там прошёл через сени, рында открыл дверь напротив, Маркел вошёл и поклонился великим обычаем, после распрямился и назвал себя.

Напротив него, в мягких лавках с подлокотниками, сидели двое – боярин князь Семён Михайлович Лобанов-Ростовский, судья Разбойного приказа, и так называемый Первый посольский дьяк Василий Яковлевич Щелкалов. Щелкалов был уже в годах, сед, длинноброд... да, впрочем, как и князь Семён. И так же, как и он, был раскрасневшийся, вспотевший, глазки у него так и сверкали. Хватанули уже, что ли, невольно подумал Маркел.

А князь Семён, будто почуяв, сразу же спросил:

– Чего ты так смотришь?!

Маркел промолчал, поклонился.

– О! – строго сказал князь Семён. – Вот так уже лучше. По делу мы тебя призвали. Воровство открылось! Нам надо его пресечь. Ехать надо будет далеко.

И князь Семён посмотрел на Щелкалова. Тот утвердительно кивнул. А вот что, вдруг поспешно подумал Маркел, а вот возьмут да и пошлют в Гишпанию! Или в Берберию. Петька про Берберию рассказывал. Там воровство кругом, там даже сам берберийский салтан – вор. По морю плавает и грабит всех без разбора. Или, подумалось, всё же в Гишпанию?

Но тут князь Семён сказал:

– Надо тебе срочно ехать в Вымь.

– Куда? – переспросил Маркел, подумав, что ослышался.

– В Вымь, – повторил князь Семён. – Это за Устюгом ещё почти три сотни вёрст. Заворовал там один князёк сибирский, вогульский, не привёз ясак. Надо к нему съездить, взять его под стражу, и взять ясак, и привезти сюда. Сроку на всё это сорок дней.

– Так сорок дней, – сказал Маркел растерянно, – это только до Выми доехать.

Князь Семён посмотрел на Щелкалова. Тот, важно огладив бороду, сказал:

– В Вымь и обратно не считается. Сорок дней – это от Выми в Сибирь и обратно. Князёк же в Сибири сидит! А в Сибирь зимой ехать небыстро, оттого и даём сорок дней, а не двадцать.

Вот тебе и Посольский приказ, подумал Маркел удручённо, вот тебе и Рим с Гишпанией, да тут с моим дырявым боком прямо на дороге сдохнешь на хрен! И сказал:

– Так это, государь князь боярин, у меня рана в боку, как я туда поеду?

– Так ведь поедешь же, а не пойдёшь – сказал князь Семён. – Это идти тяжело, а ехать что? Лежи себе, поплёвывай. Пока доедешь, рана заживёт. Так?

– Так, – сказал Щелкалов, усмехаясь.

А Маркел в сердцах подумал: сколько же вы сегодня, бояре, откушали, что вдруг такие весёлые? Но вслух ничего, конечно, не сказал.

А князь Семён опять заговорил:

– Теперь слушай внимательно. Дело тут вот какое. Есть один такой князёк вогульский в Сибири, в Югре, зовут его Лугуй, у него шесть городков, а это Куноват, Илчма, Ляпин, Мункос, Юил и Сумт-Вош. Этот Лугуй нам давно покорился, может, даже самым первым, ещё при Ермаке, и получил за это грамоту, что он будет платить ясак не нашим воеводам тамошним,

сибирским, а напрямик сюда, в Москву. И это было так: он каждый год, не позже Дмитриева дня, а это октября двадцать шестого, привозил свой ясак в Вымь, а это семь сороков соболей лучших, там наши люди их у него принимали и везли сюда. И так оно и было восемь лет, привозили в срок и шкурка в шкурку, и все лучшие. А два года тому назад он прислал только шесть сороков, а больше, сказал, не могу, запишите в недоимки. Записали. А он тогда в прошлом году прислал и того меньше – уже всего пять сороков! И опять на него записали, а он пообещал в этом году всё вернуть. И вот настал этот год, а он вообще ничего не прислал! И уже и сам не явился! Наши люди после Дмитриева дня его ещё неделю подождали, а после дали знать в Устюг. А уже из Устюга нам дали знать сюда – вчера приехал человек и рассказал.

И князь Семён посмотрел на Щелкалова. Тот согласно кивнул. Семь сороков, быстро считал Маркел, отчего это так мало? Ведь если ясашный урок по пять соболей с лука, то, что у этого князька, только чуть больше полусотни лучников? И Щелкалов из-за этого приехал? Быть не может! Да он...

Но дальше Маркел подумать не успел, потому князь Семён опять заговорил:

– И ещё вот что. Этот Лугуй очень скользкий князёк. Он же почему ясак не досылал? Потому что начал говорить, что зашатались его люди, заворовали, стали от него, Лугуя, смотреть в сторону и стали туда же, в сторону, возить ясак.

– В какую сторону? – спросил Маркел.

– Вот то-то и оно! – воскликнул князь Семён. – Про Золотую Бабу слышал?

– Нет.

– Тогда сейчас послушаешь. Якобы там у них, в Сибири, на Югре, есть одна такая то ли ведьма, то ли вещунья великая, то ли даже княгиня самовластная, зовут её Золотая Баба, и вот тамошний народ вогульский всё больше к ней поворачивается и возит ей наш государев ясак. Так вот ты езжай в эту Югру, в городок Куноват, найди там этого Лугуя, поставь его к кресту и допроси, а после пойди с ним к той Бабе, золотой или какой ещё, забей её в железа и доставь сюда! Так я сказал, Василий?

– Так, – кратко ответил Щелкалов.

А Маркел подумал: вот ради чего Щелкалов приехал – ради этой Бабы! И это значит, вот какая в этой Бабе силища! Вот на какую смерть его хотят послать! Опять стало резать в боку нестерпимо! Но он виду не подал, сказал:

– Дело великое затеяно. Но разве я с ним справлюсь? Пусть бы тамошние воеводы на эту Бабу пошли. У них и стрельцы, и казаки, и пушки. А что я один?

– Э! – только и махнул рукой князь Семён. – Посылали уже! И всё без толку. Да и зачем там столько шума? Баба-то одна сидит, без войска, но в заговорённом месте. Поэтому кого туда ещё послать, как не тебя? Ты же и по-вогульски умеешь, и вон как в Сибирь в прошлый раз славно съездил, шаманов крошил!

– Да какая то была Сибирь! – махнул рукой Маркел. – Так, только с краюшку, а самой Сибири я, считай, не видел.

– А ты в Тобольске разве не бывал? – удивлённо спросил князь Семён.

– Там тогда Тобольска ещё не было, – сказал Маркел. – Была только лысая гора высокая, от берега туда вот так вдоль Иртыша...

– Да ты, я смотрю, там всё знаешь! – сказал князь Семён. – И тебя там тоже знают, твой дружок князёк Аблегим опять ворует.

– Да какой он мне дружок! – сердито отмахнулся Маркел. – Чуть не убил меня! Пуля прямо в шапку и насквозь.

– Вот видишь, какой ты везучий! – сказал князь Семён. – А твой дружок из Пелыма бежал и, говорят, перебежал к той Бабе под защиту. А ты с ним вон как знаком крепко, чуть не до смерти. Так что кому ещё, как не тебе, туда ехать.

Маркел молчал. Да и чего тут уже говорить, когда было ясно, что Щелкалов приехал за ним и посылает его в Вымь, а там за Камень в Югру к этой ведьме! Как теперь домой идти и что Параске говорить?!

– А теперь вот что, – сказал князь Семён. – Даю тебе два дня на сборы. Соберёшься, приходи, отправим.

Маркел поклонился боярам, развернулся, надел шапку и пошёл к двери. Шёл, думал: да чтоб вас...

Глава 2

Маркел вышел из приказа и пошёл домой. А жил он, как и прежде, у князя Семёна на заднем дворе, в подсоседях, взойти по лестнице – и третья дверь по ходу. А Параска с Нюской жили во второй. Нюска была красавица, уже почти на выданье. Ну а Гурий Корнеевич, Нюшкин родитель, в прошлом году наконец (прости, Господи!) сложил голову за веру православную в недоброй памяти местах. От ногайской сабли принял смерть. Параска выдержала траур, а после прорубили дверь из Маркеловой светлицы в их светлицу, сговорились честь по чести и венчались. Хотя какое там венчание, когда уже и Нюску пора замуж выдавать, да и у самой Параски под сердцем было уже тяжко. Вот какая она, жизнь, думал Маркел, идя домой, уже десять с лишком лет прошло как он сюда приехал из Рославля, привёз дяде Трофиму дачу, дядя Трофим дачу принял, они сели выпивать, закусывать, а тут как загремят колокола, как набегут стрельцы, дядя Трофим схватил саблю, Маркел поправил в рукаве кистень – и началась она, служба на новом месте.

А теперь оно уже не новое! Подумав так, Маркел вошёл через ворота на князя Семёнов двор, прошёл налево, повернул за службы, поднялся на крыльцо, вошёл в третью по ходу дверь, в сенях снял шубу, шапку и вошёл в светлицу. Параска сидела на лавке и вставать не думала. Маркелу это не понравилось, но он смолчал. Параска спросила:

– Чего такой хмурый? И чего так рано?

– А ты что, не рада? – строго сказал Маркел, садясь к столу.

– На тебя глядя будешь рада! – язвительно ответила Параска. И тут же ещё спросила: – На службе что-нибудь стряслось?

– У них всегда всё трясётся, – сердито ответил Маркел.

И посмотрел на стол, а после осмотрелся. Параска, вздохнув, поднялась, пошла к печи и стала собирать на стол. Маркел молчал, позёркивал. Параска налила болтухи, Маркел взялся есть. Параска, помолчав немного, вновь спросила:

– Ну так что у вас там приключилось?

– Не велено рассказывать, – сказал Маркел.

– Ой-ой! – насмешливо воскликнула Параска. – Не смеши! Или тебя за волосы таскали, и ты вспоминать теперь про это не желаешь?!

– Никто меня не таскал! – ответил Маркел со злом. – За что меня таскать?! Я на службе всегда первый! Я за десять лет ни одного дела не профукал. У нас всегда как чуть что, сразу ко мне: Маркел Петрович, Маркел Петрович!

И он даже ударил ложкой по столу, для крепости. Параска покачала головой, сказала:

– Это так. Да только что в этом хорошего? Если у них вдруг какая беда откроется, они кого призовут? Ведь тебя!

Маркел не сдержался и сказал:

– Уже призвали.

– Куда? – с жаром спросила Параска, а сама схватилась за живот.

Маркел посмотрел на Параску. Живот у неё был ещё как живот, незаметный. Параска, помолчав, опять спросила:

– Так куда тебя призвали?

Маркел, откашлявшись, сказал:

– Опять в Сибирь, только теперь в Югру. Золотую Бабу изловить, забить в железа и сюда доставить.

– Кого-кого? – недоверчиво переспросила Параска. – Золотую Бабу?

Маркел утвердительно кивнул.

– Ох, – только и промолвила Параска и побелела как снег. Потом сказала: – Они что, совсем очумели? Зачем она им?!

– Значит, нужна, если требуют, – уклончиво сказал Маркел. – И чего ты так перепугалась?! Кто она такая, эта Баба?!

Параска помолчала, а потом ответила:

– Простой ты у меня, доверчивый. А злые люди этим пользуются. Ведьма она, вот кто эта ваша Золотая Баба! Она тебя сперва засушит, а после сожрёт. Она всех сушит и всех жрёт.

– Как это сушит? – не понял Маркел.

– А как бабы сушат мужиков? – злобно воскликнула Параска. – Вот так и она тебя засушит! Но не сразу. Может, будет год сушить, а может, два... А как засушит, так сразу сожрёт. Потому что она ведьма самоедская, а самоеды жрут людей. Ты что, и этого не знал?!

Маркел подумал и сказал:

– А мне сказали, что она не самоедская – вогульская.

– Она и вогулов жрёт, и остяков, и самоедов. Всех! И так и тебя сожрёт. Но сперва засушит!

И тут Параска замолчала, а по щекам у неё потекли слёзы. Маркел сунулся их утирать, но Параска его оттолкнула. Маркел улыбнулся и назвал её касаткой, но она перебила его и велела молчать. Маркел полез обниматься, а она пнула ему в нос. Но Маркел стерпел и это. А как иначе?! Баба же на сносях, что ни скажет или что ни сделает, ничему нельзя перечить. Но и не слушать же такое целый день! Маркел встал, утёрся и ушёл за загородку. Разулся, лёг, слышал, как Параска вышла в сени и как после бухнула входная дверь. Маркел лежал, смотрел в потолок, вспоминал князя Семёновы слова, потом Параскины. Потом попытался вспоминать о том, как он в первый раз ездил в Сибирь и что он там слышал про Золотую Бабу – и ничего почти не вспоминалось! Так только, мол, де есть такая, идол золочёный. Или нет, живая баба, что ли? Маркел сопел, ворочался, а толком не вспоминалось. Не запоминал же он тогда, не думал, что может сгодиться. Да и когда это было, почти десять лет назад, только-только Ермака убили и казаки обратно на Русь побежали, а Маркел, наоборот, в Сибирь подался, так ему было велено. Маркел поморщился. Потом, чтоб было веселей, начал вспоминать Аблегирима, вогульского князя и его славный Пелым-городок, потом вспомнил царя Кучума и его главный город Кашлык, потом мурзу Бикеша, который Ермака похоронил, потом Якова-стрельца, который Ермака сгубил, потом...

Ну и так далее. А потом угрелся и, хоть было ещё дневное время, заснул. Сперва ему снилась всякая дрянь, которую он даже не запомнил, а потом он вдруг увидел тёмную пещеру, в пещере горел огонь, от огня шёл густой дым, а в дыму он видел, но нечётко, простоволосую голую бабу золочёную. Баба усмехалась и тянула к нему руки. Руки были тоже золочёные. Маркелу стало страшно, он проснулся. Встал, обулся и вышел в светлицу.

Там за столом сидела Параска. Маркел сел рядом и на её ладошку положил свою ладонь. Параска не стала вырываться. Так они долго сидели молча, улыбались. Рука у Параски была горячая-прегорячая, Маркелу стало радостно.

После пришла Нюська, сели ужинать. После все трое играли в бирюльки, говорили о чём ни попадя. Потом свеча стала догорать, Нюська ушла к себе через новую дверь, и Маркел с Параской тоже вскорости легли. Маркел опять попробовал обнять Параску, но она опять оттолкнула его да ещё обозвала медведем. Маркел затаился. Параска спала беспокойно, то и дело вскидывалась, а то даже ныла во сне. А Маркел заснуть боялся, потому что ему сразу начинала сниться Золотая Баба в бане – и там и хотела его засушить. И так всю ночь! Маркел весь извёлся, вставал, ходил в сени, четыре ковши кваса выпил. Да что квас, какое с него облегчение! А тут ещё опять в боку свело, хоть ты снова беги к ведьме. Да только, думалось, чего бежать, когда он через день и так к ведьме поедет, к самой знатной, самоедской, тьфу!

Глава 3

Утром Маркел проснулся оттого, что услышал, как в светлице кто-то шепчется. Потом мягко закрылась дверь, и уже только после этого Параска прошла за загородку и сказала, что явился Филька и хочет что-то сказать.

– Где он? – спросил Маркел.

– На крыльце, – ответила Параска. – Чтобы здесь не надышал.

Маркел усмехнулся и подумал, что не любит она Фильку, ох как не любит, а тут вдруг его принимала и даже о чём-то сговорила с ним. И ладно! Маркел встал, оделся, сунул в рукав кистень и вышел.

Филька, как и было сказано, ждал на крыльце. Время было раннее, солнце ещё только всходило.

– С чем пришёл? – спросил Маркел.

– Это, сосед, не я пришёл, – ответил Филька, дыша перегаром, – а это тебе надо идти.

И замолчал, поджал губы.

– Говоришь загадками, – сказал Маркел.

Филька поморщился, ещё подумал и продолжил:

– Мы уже знаем, куда ты собрался. И к кому. И доехать ты туда доедешь, думаем, вон ты какой бугай здоровый, а вот вернёшься ли обратно? Я так прямо у Параски и спросил. Она сразу заохала! Хорошая тебе баба досталась, душевная...

Маркел поднял руку. Филька осёкся и сказал уже как можно кратче:

– Есть тут один человек на Москве, который всё про Золотую Бабу знает. Вот тебе с ним сперва поговорить бы, а уже после ехать.

Услыхав такое, Маркел замер, а потом осторожно спросил:

– Что это за человек?!

– Я его не видел, – сказал Филька. – Я только слышал о нём. На прошлой неделе, в четверг.

– От кого слышал? – строго спросил Маркел.

– От ещё одного человека, – нехотя ответил Филька. – Сидели, выпивали с ним. В нашем Никольском кабаке.

– И что он про Золотую Бабу говорил?

– Про Бабу ничего почти, а всё больше про царевича.

– Какого ещё царевича? – насторожился Маркел.

– Сибирского царевича, какого же ещё! – уже сердито сказал Филька. – Про того, который всё про Золотую Бабу знает. Потому что как не знать! Он же там у них царевич! Ему всё известно!

Маркел подумал и спросил уже такое:

– Что это ещё за царевич и как он здесь оказался? И у кого живёт?

– Царевич он как царевич, самый обыкновенный, сибирский, – сказал Филька. – Приехал он сюда за правдой. Его другой царевич, тоже наш, сибирский, побил, его казну разграбил и смеётся, а этот приехал к нам, поклонился своим царствишком и просит защиты от того недоброго царевича. Каждый день ходит в приказ, но дело стоит на месте. А ты ему пособи, и он тебе про Золотую Бабу всё расскажет.

– Чего же он в приказе не расскажет? – насмешливо спросил Маркел. – Ему там пособили бы ещё быстрее меня.

– Он им не хочет говорить, – ответил Филька. – Сказал, про это говорить нельзя, это великий грех. Поэтому он про неё и в приказе молчит, и на подворье, где остановился, тоже.

– А почему он тогда мне расскажет?

– А ты ловкий. Кого ни возьмёшь в расспрос, тот обязательно всё без утайки выложит. И так и тут бы попытаться. Этот царевич, мне сказали, он много не просит, он смирный. Но такой чудной! Водки совсем не пьёт, а только жуёт мухоморы, он их с собой привёз, сушёных, вот такой мешочек. И ходит в приказ...

Маркел насмешливо сказал:

– Мало ли кто чего в кабаке расскажет! Уж такое это место разговорное.

– Вот и я тогда наутро так подумал, – сказал Филька. – И не вспоминал почти неделю. А вчера вдруг слышу, что тебя опять в Сибирь отправляют, да ещё и искать эту Бабу, и сразу подумал: надо пособить! И опять пошёл в кабак и стал там спрашивать, помнят ли они, с кем я в прошлый четверг бражничал. А они говорят: «Нет, не помним, сколько здесь народу каждый день толчётся, аж в глазах рябит, а тут ещё подай тебе прошлый четверг!» А я говорю тогда: «А дам алтын!»

Филька замолчал и посмотрел на Маркела. Маркел сердито засопел, полез в кошель и выдал Фильке алтын. Филька радостно заулыбался и продолжил:

– И они сразу сказали, что это был Чурила Гребень, строгановский челядин со Строгановского же старого подворья, что на Покровке в Барашах.

– О! – с почтением сказал Маркел. – Строгановы! Крепкое семейство.

– И вхожее в Сибирь, – тут же прибавил Филька. – Что им царевича принять? Раз плюнуть. Ну, я и пошёл к ним. Вчера ночью. И дал там уже пятак!

– Н-у-у! – на растяжку повторил Маркел. – Пятак! Жирно будет!

– Ну и не дал я им пятак, – тут же согласился Филька. – А развернулся, и ушёл. И ничего не выведал!

Маркел вздохнул, дал пятак. Филька его забрал, продолжил:

– И вот я пришёл туда. Поговорил кое с какими людишками. И вот что оно оказалось: да, в самом деле, говорят, живёт у них давно, уже скоро год, сибирский царевич Агайка. Его другой их царевич, Игичка, у них там в Сибири разбил в пух и прах, и разорил, и теперь этот Агайка прибежал в Москву, поклонился своим царствишком и на Игичку жалуется, просит у нас защиты, каждый день ходит в приказ, а после вернётся, сядет и молчит. Ничего не говорит! Ни про своё царствишко сибирское, ни про Золотую Бабу, ни про что! А ведь по глазам видно, что всё знает! Но молчит. А вот ты бы к нему подкатился, про то про сё поговорил, про Сибирь бы чего вспомнил... А?

Маркел задумался, в голове вертелось много чего всякого, потом спросил:

– А где сейчас Строгановы?

– А это Максимово подворье, – сказал Филька. – Другим Строгановым туда хода нет. А сам Максим уехал в Нижний, а после дальше поедет, в Казань. Так что у него там, на его подворье, сейчас всем заправляет Василий Никитов сын Шпоня, дворский.

– Ладно, – сказал Маркел. – Тогда чего стоим? Айда!

– Куда? – насторожился Филька.

– Как куда? К Василию Никитову, куда ещё!

– Э... – начал было Филька.

Маркел сдвинул брови. Филька поправил шапку, и они пошли. Маркел шёл и думал, что зря он в это ввязался, мало ли что могут спьяну брякнуть... Но не останавливался, шёл. И у Фильки ничего не спрашивал. Также и Филька ничего не говорил, а только время от времени громко повздыхивал.

Глава 4

До старого строгановского подворья оказалось не близко – они прошли весь Белый город, вошли в Земляной, а всё равно идти оставалось ещё порядочно. Маркел посматривал по сторонам и вспоминал, слышал ли он что-нибудь про Агайку, но ничего не вспоминалось, а только крутилось где-то близко в голове, и всё. Вот так! Маркел злился, шагал широко, Филька едва поспевал за ним.

Но вот они вошли наконец в Бараши, и там, наискосок от махонькой церквушки Введения Пресвятой Богородицы, показалось это самое подворье. Тын вокруг него возвышался толстый, здоровенный, также и ворота были дорожные, обшитые медным листом. Маркел подошёл к ним и постучал в молоточек. Открылся глазок, оттуда строго зыркнули и также строго спросили, кто это такой явился. Маркел показал овчинку и назвал себя, а после, для верности, ещё прибавил, что он по Посольского приказа делу, открывайте. С той стороны ещё строже ответили, что хозяина нет дома, и потому не откроют.

– Вы что здесь, совсем очумели?! – сердито воскликнул Маркел. – А вот сейчас кликну земских стрельцов, они живо вам ворота высадят! А после Максим Яковлевич вернётся и вам ещё кнутов пропишет!

За калиткой засопели и сказали, что сейчас придёт дворский, Василий Никитич.

– Ладно, – сказал Маркел, – дворский так дворский, а пока откройте.

И открыли. Но пропустили только Маркела, а Филька остался за воротами. Да он дальше и не лез.

Пока Маркел входил во двор и озирался, а двор того стоил, подошёл строгановский дворский, Васька Шпоня, человек в годах, опасливый, и также опасно спросил, что приключилось.

– Пока что ничего, – строго ответил Маркел. – Я здесь по посольскому делу, мне нужен царевич Агайка, или как он у вас правильно зовётся.

– Правильней он князь Агай Кондинский, – сказал Шпоня. И тут же спросил: – А что он натворил?

– Дела за ним пока что никакого нет, – ответил Маркел. – Пока что его нужно просто расспросить про всякое, а там уже будет видно.

– Эх! – в сердцах сказал Шпоня. – Я так и думал, что с этим мухоморщиком добра не будет.

И развернулся, и повёл к крыльцу.

На крыльце стояли сторожа. Шпоня махнул им рукой, они расступились и открыли распашные двери. Шпоня и Маркел вошли. Там уже даже в сенях горели свечи, а дальше было вообще светло как во дворе. Шпоня и Маркел поднялись на второй этаж, после на третий, там свернули, прошли ещё немного, Шпоня открыл дверь и пригласил войти. Маркел вошёл, закрыл за собой дверь и осмотрелся. Горница была почти пустая, только при одной её стене, на лавке, сидел невысокий шуплый человек и смотрел напротив, на огонь, горящий в маленькой печурке. А человек был вот какой: широколицый, курносый, стриженный в скобку, одетый как простой посадский. Маркел кланяться ему не стал, а только назвал себя, сказал, что он по делу из Разбойного приказа (тут он показал овчинку) и спросил:

– А ты Агай, князь Кондинский?

Агай, а это он и был, утвердительно кивнул. Потом улыбнулся. Но ни словечка не сказал! Тогда Маркел продолжил:

– Я завтра еду в Сибирь. По государеву делу. Могу, если надо, передать, кому скажешь, поклоны.

Агай опять улыбнулся, а после отвернулся к печке и снова стал смотреть на огонь.

– А могу не передать! – уже сердито продолжил Маркел. – Станут у меня про тебя спрашивать, а я скажу, что не слыхал о таком, скажу, не приезжал такой в Москву. И тебя там похоронят!

Но Агай и ухом не повёл. Маркел ещё подумал и сказал уже такое:

– Могу про тебя Аблегириму передать, князю Пелымскому.

И сразу понял: зацепило! Агай при этом имени в лице переменялся... Но как ни в чём не бывало повернулся к Маркелу и равнодушным голосом спросил:

– А ты его разве знаешь?

– Знаю! – сказал Маркел. – Он вот такой здоровенный, на голове, на лбу, ремень узорчатый, на груди пансырь вот тут и вот тут золочёный, на поясе – кожи с чужих голов, с десятков. А городок у него на горе, там вокруг тын из вот таких брёвен толстенных, а за тыном хоромы.

Маркел замолчал, посмотрел на Агая. Тот думал снова притвориться, что ему и это всё равно, но не удержался и спросил:

– И ты что, там был, у него в хоромках?

– Был! – уверенно сказал Маркел, и даже ещё рукой махнул для верности. – И на кошме рядом сидел, и вашу грибную водку пил.

Агай усмехнулся, спросил:

– И что было дальше?

– Как что? – удивился Маркел. – Опьянел я, конечно, с непривычки и заснул. Проснулся далеко, в лесу, возле священной берёзы. И там Аблегирим хотел меня зарезать, но я увернулся.

– А дальше? – сразу же спросил Агай.

– А дальше я отрезвел, – сказал Маркел. – А ещё дальше я совсем проснулся, уже снова в хоромках. Там мы ещё немного попиروвали, а после мне дали лодку, и я поплыл куда мне было надо.

– Побожись! – сказал Агай.

Маркел перекрестился. Агай внимательно посмотрел на него, ещё немного подумал, а после спросил:

– Так это не ты ли на Ермаковой могиле татарского шамана саблей бил?

– Бил, да! И убил! – сказал Маркел.

– Нет, не убил, – с улыбкой возразил Агай. – Ты убежал тогда, а он поднялся и велел, чтобы за тобой не гнались. Ты, он сказал, сам к своей смерти прибежишь. Тебя, он сказал, убьёт Золотая Баба.

Услышав такое, Маркел онемел. У него язык к небу прилип! Но он всё же сдюжил, сглотнул ком и воскликнул:

– Бреешь ты! Ничего он тогда не сказал бы! Я же убил его! Я...

И дальше не смог говорить, замолчал. Агай усмехнулся и спросил:

– А про Золотую Бабу тоже брехня? Ты разве не к ней сейчас собрался? К ней! И вот она теперь тебя убьёт!

Маркел аж зубами закрипел от злости, кинулся вперёд, к Агаю, схватил его за плечи, колотнул как грушу и спросил:

– Кто тебе сказал об этом?! Откуда ты это знаешь, куда меня послали?!

– А это всё вон оттуда, – ответил Агай и указал на печурку, в которой плясал огонь.

Маркел отпустил Агая, обернулся на печурку, ничего такого особенного не увидел и сказал уже почти уверенно:

– Брехня! Навьи чары! – И перекрестился, и уже почти спокойным голосом спросил: – Кто она такая, чтоб меня убить?!

– Ей скоро тысячу лет, – сказал Агай, – а она молодая на вид. Она вся огнём горит, она из золота. Она тоже вот так сидит перед огнём, люди носят ей ясак и спрашивают, как им быть,

а она им отвечает. И как она им скажет, так они и делают, потому что эта Баба им как князь или даже как вам бог.

– Но-но! – строго сказал Маркел. – Бога не смей поминать, нехристь! А лучше сразу прямо говори, где ваша Баба прячется.

– Мне про это говорить нельзя, – сказал Агай.

– Тогда я велю тебя пытать, – сказал Маркел. – Тебя на дыбе уже поднимали или ещё нет?

– Уже поднимали, – ответил Агай.

– А на спицы тебя ставили?

Агай усмехнулся и ответил:

– Ещё нет. Но, думаю, я и на спицах тебе ничего не скажу.

– Почему?

– А зачем мне говорить? Что вы ещё у меня отнимете? Отнимать у меня уже нечего. Княжество у меня было, семь городков. Спалили! Войско у меня было, сто отыров и семь сотен ляков, всех побили. Жёнка у меня была, убили. Брат Косялим у меня был, убили. И сына Азыпку убили. А дочку нет, дочку чужим отдали, теперь она у князя Игичея в девках, он даже замуж брать её не стал, так просто тешится. Один я остался, и Максим Строган меня не слушает, смеётся надо мной. Зачем мне такая жизнь? Вели сразу казнить!

Маркел задумался. Агай смотрел на огонь. Маркел утёр губы, сказал:

– Ладно. Не хочешь ничего про Бабу говорить, не надо. Я её сам найду, закую в железа, сюда привезу и тебе покажу.

Агай тихо засмеялся, а после опять стал серьёзным, сказал:

– Я тебя предупредил. После на меня не сетуй!

Но Маркел только махнул рукой, развернулся и вышел. После спустился вниз, там Шпоня у него спросил, всё ли у Агайки по добру. Маркел на это промолчал, а только утвердительно кивнул и пошёл к воротам.

За воротами его ждал Филька. Маркел был зол как чёрт, Филька это сразу почуял и не стал ничего спрашивать. Так они всю обратную дорогу прошли молча, Маркел поскрипывал зубами, думал, что лучше бы он не ходил туда. Хотя, тут же утешливо подумалось, почему он должен верить, что этот шаман тогда остался жив и такую гадость ему нашаганил?! Он же шамана саблём разрубил, он это своими глазами видел. Р-раз – и пополам его! Вот как оно было. А теперь Агайка-пёс хочет его запутать, запугать, но мы-то знаем, что всё это ложь. Вот только откуда, думалось, Агайка мог узнать, куда и зачем Маркела посылают? И эта мысль не давала покоя, Маркел шёл скорым шагом и помалкивал, Филька опять чуть поспевал за ним.

Глава 5

Как только Маркел вернулся домой (а Филька остался во дворе), Параска сразу вышла из-за занавески и спросила, как сходилась.

– Сходилась хорошо, – сказал Маркел. – Допросил я этого Агая, поставил к кресту.

– Так он же некрещёный! – удивилась Параска.

– Перед Богом все равны, – строго сказал Маркел. – И он крест целовал и не кривил, поведал всё, что знал. Сказал, что Золотая Баба – это никакая не царица и даже не обычная живая баба, а деревянный чурбан золочёный, идолица, и никакой в ней силы нет, а есть одно только людское смущение. Тёмный вогульский народ к ней ходит, подносит ясак и перед ней его сжигает на костре, и всё.

– Так, может, зачем туда ехать? – спросила Параска. – Сходи и скажи боярину: так, мол, и так... – И замолчала.

А Маркел сказал:

– Га! Если бы всё было так просто! Но Агайкины слова к делу не пришьёшь. Да и некрещёный он, ему крест поцеловать – раз плю... Ну, сама понимаешь. Так что надо всё же съездить, посмотреть, забрать эту идолицу, привезти её сюда, и пусть бояре решают, что с ней делать.

Параска, насупившись, молчала. Маркел вздохнул и сказал:

– Мне завтра ехать. Надо уже собираться. А пока перекусить хотя бы, и там видно будет.

И он сел к столу. Параска постучала в стену, пришла Нюська, стала подавать Маркелу. Маркел ел, запивал. А Параска отошла в угол, к иконам, встала на колени и немного помолилась. Потом, из-за икон же, достала бархатный узелок, развязала его и отсчитала денег, сколько надо. К тому времени Маркел уже поел, Нюська оделась, Параска кликнула её с собой, и они обе ушли, сказали, что в ряды на площади.

А Маркел, оставшись в горнице один, первым делом сразу подошёл к иконам, поклонился святому Николе и попросил не гневаться за то, что ему пришлось Параске покривить. Ведь же он кривил не потому, что с умыслом, а чтобы Параска не полошилась. Она же непраздная, под сердцем носит. А Маркелу что? Надо будет, он за этот грех всегда готов кару принять. И, уже вслух, прибавил:

– Хоть сейчас!

Никола, как Маркелу показалось, усмехнулся. Маркел опустился на колени и положил земной поклон. Никола опять усмехнулся. Маркел перекрестился, встал и, уже не глядя на икону, начал ходить туда-сюда по горнице, вспоминать Агайкины слова и гневаться. А после смирил свой гнев и начал думать, что мало ли что люди могут накривить, особенно нехристи, нельзя нехристям верить, речи нехристей – одно смущение...

Тут вдруг постучали в дверь. Маркел остановился и велел входить. Вошёл Котька, их подъячий, и сказал, что князь Семён срочно зовёт к себе. Услыхав такое, Маркел только головой мотнул, ещё раз глянул на Николу, перекрестился и пошёл. Шёл, думал: это всё Агайка напустил!

Глава 6

И не ошибся. Но вначале было так: когда Маркел вошёл в приказ, в князя Семёнову палату, князь был очень гневен на вид. Маркел поспешно снял шапку и поклонился великим обычаем.

– Что, пёс, почуял?! – сердито спросил князь Семён.

– Винюсь! – только и сказал Маркел.

– Пёс! Пёс! – ещё раз, уже очень гневно, повторил князь Семён. И только после этого спросил: – Зачем к Петьке ходил?!

– К какому Петьке? – не понял Маркел.

– Как к какому? Да к царевичу Сибирскому!

– Так он Агай.

– Нет, Петька! Строганов его крестил, пса этого, а он так псом и остался!

– А он говорил... – начал было Маркел.

– Га! Говорил! – передразнил князь Семён. – Мало ли что он мог наплести! Зачем ты к нему ходил? Кто просил?!

– Да я только хотел узнать...

– Хочешь узнать, приди ко мне, и я тебе всё расскажу! – перебил Маркела князь Семён. – А этот Агай, какая ему вера?! В прошлом году заворовал, вышел и ходил туда-сюда и грабил всех подряд. Мы на него войско выслали и чуть поймали. Да и не поймали бы, когда бы не другой князь, Игичей, не пособил. А так пособил, и мы Агайку усмирили, привезли сюда, и посадили за приставы. И тут вдруг ты пришёл! А вот не совался бы туда, куда не надо!

– Так что, – спросил Маркел, – всё, о чём он говорил, брехня?

– А о чём он говорил? – насторожился князь Семён.

– Ну, о всяком, – ответил Маркел. – Говорил, что у него войско побили, городки его сожгли, брата его убили, сына.

– На то и война, чтоб убивать, – строго сказал князь Семён. – А что ещё он говорил?

– Дочку его отдали Игичею. На потеху.

– Дочку! – сердито сказал князь Семён. – А что, нам было их сюда везти, венчать?

Маркел молчал.

– Что ещё? – спросил князь Семён. – Про Золотую Бабу ты у него спрашивал?

Маркел нехотя ответил:

– Спрашивал.

– И что?

– Он смеялся, говорил, что мне её не взять. Что мне на роду написано быть от неё убитым.

– Гм! – только и сказал, подумав, князь Семён. Потом усмехнулся и прибавил: – Подлец какой! Ишь что придумал пёс! Ну да ты его не слушай. Это он со зла так набрехал. А от брехни, знаешь, какое средство наипервое? Приди и скажи Параске, чтобы дала святой воды испить. После «Отче наш» семь раз прочти – и как рукой снимет. У вас дома святая вода есть?

Маркел кивнул, что есть.

– Вот и славно, – сказал князь Семён. – Ну а теперь что скажешь?

Маркел подумал и сказал:

– Всё равно я один не справлюсь. Дай мне людей, боярин, хоть с полсотни.

– С полсотни людей, что придумал! – сердито сказал князь Семён. – Нет, не дам. Людей возьмёшь в дороге. В Берёзове возьмёшь. Сейчас там на воеводстве Васька Волинский сидит. Вот ему от меня грамота, держи.

И князь подал Маркелу запечатанную рульку с тремя вислыми печатями. Маркел взял рульку, князь стал объяснять:

– Здесь ему всё сказано: и чтобы дал тебе людей, и чтобы пособлял чем мог, и чтобы не чинил препон. А чтобы и другие не препонили, вот, на ещё!

И подал красную овчинку – крашеный вершковый кругляшок, и там на одной стороне красный крашеный овчинный мех, а на другой, тоже красной, выжженный орёл двуглавый. У Маркела аж лоб загорелся.

– Ладно, ладно, – сказал князь Семён уже совсем негневным голосом. – Ступай. Завтра с утра получишь сани, подорожную. Она будет до Берёзова. Ибо сразу к Лугую не суйся, а сперва заезжай к Ваське и бери людей, а уже только потом езжай к Лугую. И будь с ним настороже, ненадёжный он человек. Да и все они там ненадёжные, особенно крещёные. Не верю я тем, кто быстро веру меняет. Так и твоему Агаю-Петьке я не верю. А теперь ступай домой, собирайся, пей святую воду, и чтобы завтра с утра выехал!

Маркел поклонился, развернулся и вышел. Шёл и думал: Агай! Или Петька? Или всё-таки Агай? Да кто их разберёт!

Глава 7

Когда Маркел пришёл домой, Параска с Нюской были уже там. На сундуке возле стола лежали узлы с обновками.

– Показывай! – велел Маркел.

Параска с Нюской начали развязывать и подавать, Маркел на себя прикидывал. Вещицы там были такие: шуба медвежья, красный верх, почти как у Ермака, подумалось, высокая бобровая шапка, валенки, чёртовой шкурой подшитые, рукавицы на пуху, две пары нательного белья с начёсом и образок святой Прасковьи.

– А это для чего? – спросил Маркел.

– Чтобы не забывал, – ответила Параска.

– Да я и так...

– Хуже не будет!

Маркел не стал спорить. Параска надела на Маркела образок, поправила... И, не сдержавшись, быстро-быстро заморгала.

– Ну-ну! – утешливо сказал Маркел. – Чего ты это вдруг.

– Так, ничего, – ответила Параска, отвернувшись.

А Нюска со злостью сказала:

– Мы когда шли обратно, встретили Демьяниху. А у неё глаз сам знаешь какой.

– Ведьма она! – прошептала Параска. – Хуже той вашей Бабы!

– Брехня это! – громко сказал Маркел. – Нашла от чего полошиться. Ты лучше вот про что послушай. Меня князь Семён вызывал, выдал красную овчинку, а это двойные прогоны, двойные харчи, а вернись – двойная выдача!

– А если не вернёшься, тогда что? – спросила Параска.

– С чего это я вдруг не вернись? – удивился Маркел. – Тебя, что ли, на Золотую Бабу сменяю? Так она болван болваном, тощая, а ты вон какая...

И осёкся. Повернулся к Нюске и спросил:

– А пирогов принесли?

– Принесли, – недобрым голосом сказала Нюска.

– Мечи на стол! – велел Маркел. – И сходи вниз, принеси чего-нибудь копчёного. Мне завтра в путь, а мы сидим как на поминках. Ну!

Параска, утерев глаза, сказала, чтобы Нюска, сойдя вниз, взяла там ещё соленья и грибов. Маркел достал из сундука две бутли – одну сладкого, другую крепкого. Сели за стол, стали выпивать, закусывать, Маркел начал говорить про то, как он вернётся из Сибири и они купят себе дом, недалеко, сразу за Красной площадью, Котька показывал его и говорил, что недорого просят...

Ну и так далее. Параска с Нюской слушали, кивали. После Маркел опять слезал в сундук, достал колоду карт, и они стали играть в трёх царей, на щелбаны, и веселились, вскоре у Маркел лоб опух, но всё равно было смешно. Потом на Фроловских пробило ночь, Нюска встала и ушла к себе. Маркел с Параской легли. Но только Маркел задул свет, как Параска вдруг спросила, правда ли, что сибирский царевич наговорил всякого недоброго.

– Брехня это! – уверенным голосом ответил Маркел. – Да и не пристало его слушать.

– Почему вдруг не пристало? – спросил Параска.

– Потому что князь Семён сказал... Потому что... Спи, вот что! Завтра скажу!

Параска затаилась. И Маркел молчал. Было темным-темно и тихо. Маркел водил головой по сторонам и думал, что надо было Агайку за его поганые слова поучить как следует, зря он ему их спустил. А теперь что? Теперь лежи, не спи и думай. Вот Маркел и думал. Долго думал!

Параска давно уже заснула, а он всё ворочался. Потом не выдержал и растолкал Параску. Та перепугалась и спросила, что случилось.

– Ничего, – сказал Маркел. – Просто приснилась дрянь какая-то, а князь Семён говорил, что если снится дрянь, надо святой воды испить. А у нас она есть?

Параска, ничего не отвечая, поднялась, поискала в поставце, нашла, подала Маркелу чашку, он выпил. Параска легла, и было слышно, что она не спит. Маркел семь раз прочёл «Отче наш», полежал ещё, ещё прочёл...

И снова растолкал Параску. Та спросила:

– Что ещё?

– Ничего опять, – сказал Маркел. – Только у нас здесь под лежанкой, под третьей от стены доской, если её поднять, лежит кубышка. В ней деньжата. Это Нюске на приданое, и тебе ещё останется лет на пять.

Параска, Маркел слышал, громко задышала, а потом едва слышно спросила:

– Что случилось? Прямо отвечай!

– Да ничего не случилось, – ответил Маркел даже как будто с раздражением. – Просто сказал на всякий случай. Вдруг задержусь или вдруг что...

И замолчал, прислушался. Параска засопела, а потом заплакала. Маркел её обнял, она унялась. Или, может, просто затаилась. Но Маркелу всё равно стало спокойнее, он лёг на спину, начал подрёмывать.

Но тут Параска вдруг громко спросила:

– Что тебе сказал сибирец? Отвечай!

– Да ничего, – сказал Маркел. – Сказал, что робеть не надо, сказал, что эта Баба – деревянная, и никакой беды от неё быть не может, приходи, говорил, и бери, у неё там полно запасов, дурной народ их к ней уже, может, триста лет носит и наносил семь пещер, теперь только бери и нагребай на подводы. И...

Глава 8

Что ещё он ей тогда рассказывал, Маркел не помнил, потому что заснул. И крепко спал всю ночь. А вот спала ли Параска, он не знал. Он только, когда утром проснулся, увидел, что она не спит, а сидит рядом и смотрит на него. И под глазами у неё черно. Маркел встал, сказал, что время уже позднее, сейчас за ним приедут, вышел из-за загородки...

И у него опять в боку схватило! Будто кто снова воткнул нож по самую рукоять! Но Маркел стерпел и виду не подал, переоделся во всё новое, вчера Параской купленное, ходил туда-сюда по горнице бодрый, весёлый и указывал, куда что сложить и каким боком. Пришёл Котька, принёс дорожную. Маркел развернул её и начал про себя читать:

«По Государеву Царёву и Великого Князя указу по дороге от Москвы через Ярославль, Вологду, Тотьму, Устюг Великий, Яренск, Вымь, Берёзов и далее, куда будет указано... Ага, ага... Дано по ямам ямщикам, а где ямов нет... не издержав ни часу... всегда две подводы, да проводника, в оглобли, а где велит, ратных людей для бережения в нужном числе».

Вот как! Маркел широко заулыбался и подумал: сдержал слово князь Семён, дал стрельцов! Ну, не совсем дал, конечно, знаем мы этих воевод, но всё-таки...

– Стрельцов дают! Сколько хочу! – сказал Маркел Параске, потрясая дорожной. – Слышишь?!

Параска только тяжело вздохнула. Маркел глянул на Котьку, подмигнул ему, мол, что в нашем деле бабы понимают, и снова принялся читать, теперь уже про то, чтобы его кормили вдосталь, и каждый день ему всегда была куря да две части говядины, да две части свинины, да соли, да крупы, и сметаны, и масла, да два калача полуденежных, и ещё всего другого прочего столько, сколько его чрево примет. Ну да это всегда так бывало, а вот ратных людей Маркелу ещё ни разу в дорожную не вписывали. А теперь какая была радость! Хотя, с другой стороны, что это значит? Что, может, Агайка прав, Маркелу одному не сдюжить, и князь Семён тоже это чувствует и даёт стрельцов, да только разве от судьбы кто уходил? Да...

Тьфу! Маркел свернул дорожную в рульку. Параска велела садиться. Они сели. И с ними сел Котька. Маркел спросил, где Филька.

– Нечего ему здесь делать! – со злостью сказала Параска. – Это он тебя к Агайке свёл, а Агайка набрехал тебе чего ни попадя. А вот когда бы не Филька...

Маркел не сдержался и хлопнул ладонью по столу. Параска опомнилась и замолчала. Но Фильку так и не позвали, а дружно выпили по маленькой, закусили пирогом, после вышли из-за стола (а за окном уже кони затопали), Параска сняла с полки Николу и благословила им Маркела. А после Котька дал кошель, сказал, что князь Семён жалует его без счёта. Маркел, принимая кошель, поклонился, подмигнул Параске, улыбнулся Нюське. Котька, здоровый бык, поднял узлы – и они всем скопом вышли на крыльцо.

Во дворе было полно народу. Проводник с санями стоял при ступеньках. Конюхи были гладкие, холёные, проводник сердитый. Маркел, идя к саням, сунул ему пятиалтынный. Проводник немного подобрел. Маркел сел в сани, Котька насовал сбоку узлов, Параска кинулась обнять и заревела. Маркел громко сказал:

– Вернись! Чего кричишь?! – Но где-то у него внутри всё ёкнуло, и он гневно вскричал: – Гони!

Проводник огрел коней. Конюхи взяли бойкой рысью. Снег полетел из-под копыт прямо в глаза. В боку опять стало резать. Маркел сидел, терпел. Но как только выехали из Никольских ворот, Маркел сразу полез в верхний узел, достал баклажку, выпил, после ещё выпил – и мало-помалу полегчало. Вот и славно, подумал Маркел, утирая губы и усы.

Глава 9

Так он и дальше ехал – чуть только начинало прихватывать, сразу брал баклажку и лечился. Также и со всем остальным никаких особых хлопот не было. Погоды стояли тихие, небо ясное, морозец слабый, снежок скользкий. Проводники попадались толковые, не вороватые и не ленивые, на ямских дворах кормили сытно и, как говорится, от пуза. И вот таким образом, по тридцать – сорок вёрст за день, а то и побольше, Маркел за неделю доехал, через Ростов и Ярославль, до Вологды. Ну а дальше стало холодать да холодать, так что до Великого Устюга Маркел добрался в самые морозы, а если точно, то пятнадцатого декабря, на день преподобного Трифона Кольского. Ух, они и ехали тогда! Особенно в последний день, когда за ними волки увязались. Ну да святой Трифон вынес – прямо на берег Сухоны, а там на перевоз, а дальше они уже своими силами, по льду, доскакали до проездной башни. А потом, как и везде до этого, Маркел в кремль к воеводе заезжать не стал, а остановился скромно, на ямском дворе, в церковь зашёл, поставил свечку, после сходил в баньку и попарился, плотно поел и лёг спать. Спал – ничего ему не снилось, потому что на душе было легко. А утром ему подали новых лошадей с новым же проводником, Маркел сел в сани, махнул рукой, и они выехали через так называемые Кабацкие ворота, миновали Пёсью слободу и поехали по Яренской дороге на Яренск.

Так начались уже совсем незнакомые Маркелу места, потому что в прошлый раз, когда он впервые ехал в Сибирь, то от Пёсьей слободы сворачивал на юг, на Ляльск и дальше на Чердын, а теперь дорога шла почти прямо на север, на Коряжму, и только уже после на Яренск, и была она почти совсем нетоптаная, деревья по обочинам стояли высоченные, ну а глушь вокруг была такая, что даже волков не стало слышно. А тут ещё окрепли морозы, и то и дело выюжило, темнело рано, рассветало поздно, на ямских дворах кормили худо, только чарки наливали щедро. Но Маркел пил в меру, не куражился, и так, мало-помалу, ещё за неделю, он добрался до Яренска. Было это уже в строгий пост, двадцать второго декабря, на великомученицу Анастасию Узорешительницу. Солнце висело низко, не было ни ветерка, ни облачка, мороз хватал просто лютый, а дорога всё тянулась и тянулась. Да и какая там была дорога?! Так, просто просека в лесу, и они по ней чуть ехали, нет, даже правильней сказать, тянулись, кони выбились из сил...

И тут вдруг, за поворотом, сани выехали из лесу, Маркел увидел впереди, посреди бескрайнего снежного поля серый деревянный тын, за ним крыши посада, а за посадом, на холме, стояли ещё одни стены, уже крепостные. К городу, к низким посадским воротам, вела едва заметная, занесённая снегом дорога. Над посадом кое-где курились дымы. Вот таким был тогда Яренск. Эх, глухомань, думал Маркел, сюда даже воевод не назначают, а только государевых наместников, и сейчас там сидит князь Батищев, он, как сказали в Устюге, судит по чести и берёт по совести.

А гостей он принимал очень радушно! Как только маркеловы сани подъехали к посадским воротам, те сразу открылись. А когда Маркел, миновав посад, подъехал к тамошнему кремлю, правильней, конечно, к городищу, то и там ворота тоже сразу же открылись. За ними толпились с десятков стрельцов, а перед стрельцами стоял, важно подбоченившись, сам князь Батищев Гаврила Иванович. Было ему лет под сорок, не больше. Маркел достал дорожную и начал было называть себя, но Батищев только отмахнулся и бодрым голосом заговорил:

– Что, голубь московский, продрог? Ну да это не беда. Вы же пока плелись от леса, мои людишки стол накрыли.

И показал идти за ним. Идти оказалось совсем близко. Уже за первой, за губной избой, стояла ещё одна, высокая и широченная. Это и были здешние наместничьи хоромы. Из трубы

на крыше валил дым. Маркел невольно принюхался. Батищев засмеялся и сказал, что никто ещё из этого дома не выходил голодным или трезвым.

В нижних сенях у них приняли шубы. В верхних Маркел снял шапку и опять принюхался. Дух из трапезной палаты шёл очень манящий.

А когда они вошли туда, Маркел аж остановился на пороге.

– Что, – радостно спросил Батищев, – не ожидал скоромного? Так я же это только для тебя, для государева гонца. А сам я пока пошусь. Ну, только если стопочку. – И усмехнулся.

Они сели к столу. Челядь вышла. Батищев кивнул, и они выпили. Батищев опять кивнул, и Маркел, недолго думая, начал с горячего, с лосятины. После пошла вепрятина, дичина, птица всякая. И, раз от разу, стопочки. Батищев и в самом деле ничего не ел, а только пил и смотрел на Маркела. А тот никак не мог насытиться. Только уже после четвёртой (или пятой) стопочки он утёр губы, надул щёки и сказал, что теперь можно не спешить.

– Вот и славно, – закивал Батищев. – Теперь можно и за дело браться.

И протянул к Маркелу руку. Маркел подал ему подорожную. Батищев взял её, начал читать... И удивился, повторил:

– «В Берёзов»! – И сразу же спросил: – А это что? Как ты туда доедешь?

– Ну, как ещё?! – сказал Маркел. – Как ехал сюда, так и туда доеду.

– Э! – усмехаясь, продолжил Батищев. – В Берёзов ямской гоньбы нет. Гоньба только до Выми.

– А дальше как? – спросил Маркел.

– А никак! – сказал Батищев весело. – Дальше места новые, неведомые. Нас там раньше и в помине не было. Наша земля была только до Камня. А за Камнем нашей земли не было. А теперь вдруг поставили Берёзов. В прошлом году всего! Но гоньбу туда ещё не проложили.

– Но люди как-то туда ходят же! – сказал Маркел.

– Ходят, конечно, – ответил Батищев. – Вот пошли же и поставили Берёзов. Но ведь это сразу целым войском шли, а кто войско остановит? Вот так и ты, если тебе так надо, один туда лучше не суйся, туда надо собирать стрельцов.

– Вот я и соберу, – сказал Маркел. – У меня здесь, – и он кивнул на подорожную, – так прямо и сказано брать ратных людей для бережения. И вот я у тебя и возьму.

– А я не дам, – сказал Батищев.

– Как это не дашь?!

– А очень просто. Мне самому стрельцы нужны. У нас тут места непростые, народ вороватый. Не дам! И дальше, в Выми, тебе тоже не дадут. Да там просто нет стрельцов, одни монахи, монастырь там у них. И ещё у меня тоже есть грамота: стрельцов при себе держать и кому попало не раздаривать.

– Ну так что мне тогда делать? – уже с раздражением спросил Маркел.

– Не знаю, – с усмешкой ответил Батищев. – Сиди и жди okazji, когда кто-нибудь пойдёт в Берёзов. Или напиши в Москву, скажи, что так и так, Батищев не даёт стрельцов, велите ему дать. И если велят, дам.

– Так сколько это времени пройдёт?!

– А ты куда спешишь?

– Да мне сам Щелкалов, государев думный дьяк, первый судья... – начал было говорить Маркел.

– Знаю, знаю! – перебил его Батищев. – Ты едешь проверять Ваську Волинского, берёзовского воеводу. А написали на Ваську князьки! А что?! Он же там, за Камнем, как царёк, и он тамошних князьков одних хочет казнить, других хочет милует. – Тут Батищев замолчал, потом со значением продолжил: – Я слышал, князёк Агай Кондинский, как только привезли его в Москву, сразу подал на Ваську челобитную. Так это?

– Ну, может, и так, – сказал Маркел. – Но я же не по агаевскому, а я по лугуевскому делу еду. По его ясаку.

– А! – весело сказал Батищев. – Лугуй вам ясак не выдал! И не выдаст, да! А что вы хотели? Забрали у него Берёзов, вот он и не выдал. А вот верните вы ему Берёзов – выдаст.

Маркел удивился, спросил:

– Почему вдруг отдавать ему Берёзов?

– Не отдавать, а возвращать, – сказал Батищев. – Потому что это его город был. И у него на это грамота имеется. С царской печатью! Только в царёвой грамоте этот город именуется Сумт-Вош, а не Берёзов. Но в прошлом году пришёл туда воевода Волынский и побил Лугуя, отнял у него этот Сумт-Вош и сжёг его, а на его месте поставил наш, новый город, и назвал его Берёзов. Говорил, что это он так Лугуя учит. Ну и научил! Лугуй теперь совсем от рук отбился и, может, уже заворовал, собрал войско и пошёл на Берёзов отбирать его обратно. А что! – ещё веселей сказал Батищев. – Время для этого самое подходящее. Вогулы же всегда зимой воюют. Зимой им удобно воевать, зимой болота замерзают, да и зимой вогулам делать нечего, а тут вдруг война, добыча. Так что вот тебе ещё одна причина туда пока что не соваться – это чтобы на Лугуя не попасть.

Маркел задумался, потом спросил:

– Почему мне в Москве про это ничего не говорили?

– Это надо в Москве спрашивать, – строго ответил Батищев.

– А за что Волынский отобрал у Лугуя Сумт-Вош?

– Значит, было за что, – ещё строже сказал Батищев. – Да и что я буду лезть в чужое дело? А вот как приедешь в Берёзов, так у самого Волынского и спросишь.

Маркел опять задумался, потом сказал:

– Вот оно как! – Помолчал, потом добавил: – А ещё мне в Москве говорили, что Лугуй отложился от нас и больше нам ясак давать не будет, а будет давать некоей особе, которую за Камнем именуют Золотая Баба. Это так?

Батищев на такое только хмыкнул и сказал:

– Ага! Они тебе расскажут!

– А что, – опять спросил Маркел, – ты про Золотую Бабу не такое слышал?

– Да я про неё чего только не слышал! – сердито ответил Батищев. – Только брехня это всё! Это вогулы себе цену набивают, а на самом деле никакой Золотой Бабы у них не было и нет. Откуда они золото возьмут?! Так что нечего тебе туда соваться, там только голову сложить. Этим в Москве чего? Сели, по шкалику выпили и говорят: а вот люди болтают, будто-де есть за Камнем забава такая – Золотая Баба, давайте дурака пошлём, пусть глянет, а вдруг правда!

Маркел злобно скрипнул зубами. Батищев усмехнулся и сказал:

– Ты это на память не бери, я это так, для смеху. А если всерьёз говорить, никакой там бабы нет, одно смущение. Кривит твой Лугуй, ему лишь бы только ясак не платить, вот и вся недолга. Садись, пиши письмо в Москву, проси прислать стрельцов. Ну что?!

– Нет, – твёрдо сказал Маркел. – Мне дальше ехать надо. В Вымь. – И спросил: – А что у них там за монастырь? Откуда он вдруг взялся?

– А! Гиблое там место эта Вымь! Край света! – сердито ответил Батищев. – Раньше там, от веку, стояло вогульское мольбище, а после пришли наши монахи, мольбище разворотили, поставили церковь, и вогулы сразу разбежались. Скукотища там теперь. Глушь несусветная, даже пуше чем у нас.

Маркел промолчал.

– Ну, я тебя предупредил! – сказал Батищев. – Как знаешь!

И, начав вставать из-за стола, хлопнул в ладоши. Вошёл его дворский. Батищев велел устроить гостя. Дворский провёл Маркела наверх, где всё было уже приготовлено, Маркел лёг на лавку и задумался. Первым делом он вспомнил батищевские речи, а потом князе-семёновы

слова, когда тот называл Лугуеву вотчину, и это были городки Куноват, Илчма, Ляпин, Мункос, Юил и, в самом деле, Сумт-Вош. Сумт, с вогульского наречия, это берёза и есть. Или вош – берёза? Или... А! Берёза, она и есть берёза! И ясаку, по словам князя Семёна, было на Лугуя положено семь сороков соболей, самых лучших, а это по сороку за каждый городок и один сорок за князя. Такое вполне может быть. Теперь дальше. А если таковой ясак был в посольские книги записан, то, значит, здесь всё по закону, и должна быть ещё и царёва жалованная грамота, в которой городок Сумт-Вош записан на Лугуя, вот и Батищев говорит, что у Лугуя была грамота! И тут вдруг приходит воевода и отнимает Сумт-Вош! Ну и Лугуй тогда, конечно...

И так далее. Маркел лежал, ворочался, вспоминал батищевские слова про то, что он ничего не скажет, потому что это дело не его...

Ну и ещё так далее. Ну и ещё другие его речи...

И Маркел заснул. И спал беспокойно, но крепко.

Глава 10

Утром, ещё затемно, Маркела разбудили, он перекусил и сразу сошёл во двор. Там его уже ждал проводник с санями. Маркел сел в сани, дворский подал ему узел с провизией, сказал, что это от боярина. Маркел велел ехать. Проводник ожёг коней, сани дёрнулись и легко покатались к воротам.

Так после и весь день езда была быстрая, хоть и мороз стоял очень трескучий. Маркел даже опасался, как бы не загнать коней, но проводник на это отвечал, что тихо ехать будет ещё хуже, и погонял коней, и погонял, и ещё засветло довёз до яма. Ям оказался совсем плох, там было едва протоплено и никакой еды не заготовлено, потому что, как сказал Маркелу ямской староста, они не ждали никого, в эту пору там никто не ездит. Маркел только головой мотнул, но промолчал, и перекусил тем, что нашёл в батищевском узле. А потом, когда ложился спать, лёг прямо в шубе, и шапку тоже не снимал. А утром, хоть ему уже и подали горячего, ел, ничего не говоря, и не платил, и также ничего не говоря вышел во двор. Там, с новыми конями, стоял новый проводник. Маркел показал ему овчинку, строго велел не мешкать, и они поехали. Проводник стегал коней нещадно, мороз стоял ещё крепче вчерашнего, потом поднялся ветер, начало мести, стало ничего почти не видно. Маркел сидел тихо, крестился. Так они ехали довольно долго, а потом метель мало-помалу унялась, и впереди, немного сбоку, в поле, показалась Вымь. То есть там опять, как и в Яренске, стояли посадские стены, за ними посад, за посадом городище, а в городище купола церквей. Маркел перекрестился и подумал, что это добрый знак, если здесь так много куполов.

Ну да знаков там, таких и этаких, тогда было достаточно. Так, когда подъехали к посадским воротам, Маркел с удивлением увидел, что в них, вместо стрельцов, стоят сторожа из местных. Глухомань какая, прости, Господи, мрачно подумал Маркел, Батищев правду говорил. А когда подъехали к городищенским воротам, то и там тоже не увидели стрельцов, а только чернецов в длинных до пят тулупах и в скуфейках. Маркел сошёл с саней, снял шапку и перекрестился. Его, вместе с санями, пропустили. Маркел вошёл в городище. Прямо перед ним стояла одна церковь, слева вторая, дальше третья. И там было ещё много всяких хозяйственных служб – монастырских, как понял Маркел. Один из проходивших мимо чернецов спросил, кого он ищет. Маркел сказал, что у него государево дело. Чернец указал на стоявшую сбоку избу. Маркел прошёл туда, поднялся на крыльцо и постучал. Дверь открыл низкорослый невзрачный подьячий без шапки.

– Я из Москвы, – сказал Маркел. – Из Разбойного приказа!

И показал овчинку. Подьячий сразу оробел и нетвёрдым голосом ответил:

– А я Демьян Аристархов сын Гычев, здешний, вымский, губной староста.

– А где твоё начальство?! – грозно спросил Маркел.

– Моё начальство это я и есть, – ответил Гычев. – Других сюда не посылают. Один я здесь!

Ну и ещё есть у меня помощник, это Санька, губной целовальник. Санька уже домой пошёл, а я задержался.

Сверху начали побрякивать колокола. Маркел тяжело вздохнул и, повернувшись на ближайший храм, перекрестился.

– У нас тут лепота, – продолжил Гычев. – А вон там, за часовней, раньше росла вогульская моленная берёза. Вот такую!

И показал, какая, и прибавил, что может отвести туда, дать посмотреть.

– Это после, – ответил Маркел. – Я с дороги. Продрог очень.

– И это у нас всегда есть! – радостно воскликнул Гычев. – Проходи!

Маркел вошёл в избу. Гычев втащил его узел и бросил на лавку, а сам полез в печь, разгрёб угли, сказал:

– Сейчас согреем. – И спросил: – Как тебя звать?

Маркел назвал себя, а после, подумав, прибавил:

– Петрович.

– Это хорошо! – сказал Гычев, шуруя в печи. – Пётр есть камень, сиречь сила, а без силы нам никак. Сейчас каша подойдёт, а мы пока по маленькой.

Он взял с полки кувшин и шкалики, поправил в лучине свет, налил, сказал:

– Нынче сочельник. Завтра Господь родится. С Богом!

Они выпили. После ещё выпили – за Богородицу. Маркелу стало хорошо. А тут и каша подоспела. Гычев нарезал сала. Ещё выпили. Маркел размяк и подобрел. Гычев почуял это и сразу спросил, по какому делу Маркел едет и куда. Маркел вместо ответа только усмехнулся. Тогда Гычев тоже усмехнулся и сказал, что это ему и так известно – Маркел приехал по лугуевский ясак. Маркел посмотрел на Гычева, подумал и сказал:

– Да, это верно. А как ты про то узнал?

– А что у нас ещё могло случиться? – удивился Гычев. – У нас здесь ничего не случается. У нас порядок! Колокола звенят, службы служатся. Ну и ещё раз в год приезжают вогулы, привозят ясак, а тут их уже ждут ваши стрельцы. А в этом году вогулы не приехали, стрельцы их ждали, ждали, не дождались и уехали ни с чем. Пропал царёв ясак!

Маркел задумался. Потом спросил:

– А что это Лугуй вдруг захотел возить ясак не в наши сибирские городки, а это ему было бы намного ближе, а, через Камень, к вам сюда, в такую даль?

На что Гычев усмехнулся и ответил:

– Ну, может, это для кого и даль, конечно, но зато почётная. Потому что это же только для вас, московских, наши места – глушь несусветная, но мы-то знаем, что это не так. Эти места очень знаменитые! Тут же в былые времена росла самая в наших краях высокая моленная берёза. Вот такая в комле! К ней отовсюду вогулы сходились, носили ей всякое. И этих даров вокруг неё было навалено в три роста, может, даже выше. А потом пришли наши монахи и её срубили. Когда та берёза падала, вот где было грохоту! Вогулы напугались и крестились. И стали нашими. И также земля вокруг вся стала наша. А те вогулы, что не испугались и не стали нашими, ушли за Камень. Это очень давно было, может, двести лет тому назад, но вогулы, те и эти, наши и не наши, про эту берёзу крепко помнят. И также помнил и Лугуй. Он, когда к нам приезжал с ясаком, всегда ходил на то место.

– И что? – спросил Маркел.

– И ничего, – ответил Гычев. – Постоит, помолчит и уйдёт. А в этом году вдруг не приехал. Это значит, убили его.

– Почему ты так думаешь? – спросил Маркел.

– Потому что был бы жив, приехал бы, – уверенно ответил Гычев. – Как бы это он свою моленную берёзу не уважил?

– Ну, может, нашёл другую, лучшую, – сказал Маркел. – Разве мало за Камнем моленных берёз? Или, может, он ещё кого нашёл, ещё молейнее.

– Ащ! – насмешливо воскликнул Гычев. – Да ты себе хоть представляешь, что тут была за берёза? Да в ней сама Золотая Баба сидела!

– Кто-кто?! – переспросил Маркел.

– Золотая Баба, – повторил Гычев, но уже безо всякой охоты.

– А это кто ещё такая?

– Ну, я не знаю, – настороженно ответил Гычев. – Так, слышал всякое. Будто была когда-то у вогулов такая древняя вешунья, очень ловкая. Она здесь, в этой берёзе, сидела, и это от неё была в этой берёзе сила. Поэтому когда пришли наши монахи и стали её рубить, они три дня рубили, не могли срубить. И только на четвёртый день сообразили, стали Золотую Бабу святым словом оттуда выкуривать. И выкурили! И как только Золотая Баба оттуда выскочила,

наши сразу срубили ту великую моленную берёзу, порубили ей на плашки и побросали в реку, а река те плашки в море унесла, и всё на этом.

– А Золотая Баба куда подевалась? – спросил Маркел.

– Болтают всякое, но наверняка никто не знает, – опять очень нехотя ответил Гычев. – Одни говорят, что её тогда берёзой придавило и она пропала, а другие говорят, что её ничем не взять и она сбежала тогда от нас дальше, за Камень, и там припеваючи живёт, тамошние некрещёные вогулы носят ей дары, а она их за это милует.

– А носят они что? – спросил Маркел.

– Да у кого что есть, – ответил Гычев.

– А куда носят?

Гычев не ответил. Потом опасливо сказал:

– Нельзя об этом говорить. Она этого очень не любит. Услышит, сразу разозлится, когти выпустит, а когти у неё острые, а...

И тут он замолчал и осмотрелся.

– Ладно, – сказал Маркел. – Не хочешь отвечать, не надо. Да ты, может, и в самом деле ничего не знаешь. Поэтому тогда я буду так: раз мне здесь ничего уже не вызнать, тогда я завтра поеду дальше, в Берёзов. Прикажи с утра подать коней.

– Так это, – растерялся Гычев. – Как это подать? И куда ехать? От нас дальше ямской гоньбы нет. Да и как это я дам тебе коней в такой мороз? Ты же загубишь их. Тебе об этом в Яренске разве не говорили?

– Ну, говорили, так и что?! – строго сказал Маркел. – А у меня государево дело! – И опять достал овчинку. – Видишь?! Она красная! Это значит, что как я сказал, так и будет! А иначе... Сам знаешь. Ну!

– Надо подумать, – мрачно сказал Гычев.

– Думай.

Гычев напыжился, долго молчал, после сказал:

– Да и зачем дальше ехать? Убили Лугуя. Не найдёшь ты его там. И также и ясака не найдёшь. А Золотой Бабы и подавно. Лучше поворачивай в Москву, скажи...

– Молчать! – гневно перебил его Маркел.

Гычев опять напыжился.

– Ладно, – сказал Маркел уже не так гневно. – Вот ты говоришь, что через Камень хода нет. И также и Батищев мне в Яренске говорил. А как тогда Лугуй со своими вогулами сюда каждый год ездил?!

– Ну так Лугуй совсем другое дело, – сказал Гычев. – Лугуй на собаках ездил, а его люди бежали на лыжах. Да и не зимой это всегда бывало, а ещё по осени, до Дмитриева дня, когда ещё мороз несильный и снег неглубокий. А сейчас бы и Лугуй не сдюжил, а только поморозил бы собак.

Маркел задумался. И думал долго. А потом сказал:

– Мне надо в Берёзов. Очень спешно. Меня государев думный дьяк послал! Так что только до утра у тебя времени. А пока что постели мне. Притомился я сегодня очень крепко.

Гычев наклонился к лавке, расправил овчины. Маркел снял шубу, лёг, накрылся...

И задумался. И долго думал, ох, как долго! Вспоминал всё, что ему сегодня сказал Гычев, и что три дня тому назад Батищев, и что ещё раньше Агай, и что Щелкалов, и что князь Семён, и даже что Параска с Нюской... Но ничего не сходило! Не о том всё время думалось, чуял Маркел. И также, когда он, наконец, заснул, сны были короткие и бестолковые, значит, во сне думал Маркел, дело ещё нескоро сложится. Ну да и ладно! Ну...

И совсем заснул.

Глава 11

Назавтра Маркел проснулся рано, ещё затемно. Но Гычев был уже в горнице, похаживал возле печи, из печи тянуло жаром. Маркел встал, оделся. Гычев начал накрывать на стол.

– Где твой человек? – спросил Маркел.

– Пошёл по делам, – ответил Гычев.

– А как мои кони?

– Вот он за этим и пошёл. А ты садись пока.

Маркел сел к столу. Гычев выставил кувшин и шкалики, сказал:

– Сегодня Христос родился.

И тотчас за окном послышались колокола. Маркел и Гычев встали и перекрестились, взяли шкалики и выпили, а после сели, начали закусывать. Колокола продолжали звонить. Лепота, думал Маркел, как хорошо всё начинается, сейчас подадут коней, и он поедет, дни с каждым разом будут становиться длиннее, ночи короче, морозы ослабнут, он перевалит через Камень, а там уже и Берёзов рядом. А дальше, если Гычев не кривил, эта Золотая Баба совсем никакая не баба, а дряхлая старуха костлявая, чего костлявых бояться, костлявые всегда...

И вдруг подумалось: а Смерть, она ведь тоже старуха костлявая, так, может, Агай прав: Золотая Баба – это смерть Маркелова! Подумав так, Маркел аж похолодел, начал смотреть по сторонам, прислушиваться...

Но было уже совершенно тихо, колокола не звонили. Ну и что, подумал, успокаивая себя, Маркел, служба началась, вот колокола и замолчали. А какая служба нынче славная – Господь, наш Спаситель, родился! Маркел улыбнулся, посмотрел на Гычева. А тот достал из-за пазухи небольшой, засаленный комок бумаги и начал его разворачивать. Маркел спросил, что это.

– Это я чертёж тебе составил, – сказал Гычев. – Куда и как тебе дальше ехать, кого где спрашивать.

Он развернул чертёж и стал разглаживать его ладонью. Чертёж был как чертёж, там были какие-то корявые рисунки, стрелки, чёрточки, неразборчивые маленькие подписи, опять рисунки. Маркел насупился.

Вдруг под окном раздался шум, как будто кто-то бежал по двору, громко дышал, повизгивал, а потом, также вдруг, опять стало тихо. Маркелу это очень не понравилось, он встал и спросил, что это значит.

– А это Санька вернулся, – сказал Гычев. – Он у меня добычливый, всё что ни вели добудет. Пойдём глянём.

Они накинули шубы, вышли на крыльцо...

И там Маркел увидел двух вогулов, при них при каждом были свои сани, правильнее, небольшие санки, а в них впряжены собаки – по десятку в каждые, не меньше.

– Это что?! – спросил недобрым голосом Маркел.

– Это наши зимние проводники, – ответил Гычев. – Не первый год у нас служат. Крещёные. Довезут, куда велишь. Хоть до Москвы, хоть до Китая.

Маркел вздохнул, стал смотреть на собак. Он, конечно, и раньше слышал о таком, что в дальних землях ездят на собаках, но никогда не думал, что и ему такое тоже доведётся.

– А что здесь худого? – сказал Гычев, глядя на сердитого Маркела. – Собака – чистая скотина, не свинья. Ничего здесь зазорного нет. И там дальше такие морозы, что только собаки выдерживают. Вот мы их зимой и седлаем, если кому-то очень нужно.

Маркел продолжал молчать. Теперь он больше смотрел на проводников-вогулов, а потом спросил, хорошо ли они понимают по-нашему.

– Немного понимают, да, – ответил Гычев. – Да и что тут понимать? Им велено довести тебя до Берёзова, и они доведут, для них это знакомая дорога. И она короче санной. Собаки

же проходят там, где лошадям не пройти. На три дня дорога получается короче. Вот здесь, глянь сюда.

И Гычев опять развернул свой замусоленный чертёж, начал водить по нему пальцем и рассказывать, где, что и как у него там помечено. Маркел слушал и поскрипывал зубами. А Гычев говорил и говорил о всяких пустяках, тыкал в записи по краю чертежа и утверждал, что здесь всё подробно сказано, да и дорога здесь зимой только одна, и дальше, вверх на Камень, тоже только одна будет – там, где река замёрзшая, река называется Щугор, и вот по этой замёрзшей реке, по увороту, прямо к так называемому Щугорскому острожку выедешь.

– Это здесь, – сказал Гычев и ткнул пальцем в середину чертежа. – А эти крестики – ваши привалы, их до Щугра шесть, Щугор – седьмой привал, и после тропа идёт вниз, на ту сторону Камня, и там ещё шесть дней, а на седьмой день ты уже в Берёзове у воеводы Волынского. Всё!

Маркел взял чертёж, так и сяк повертел его, а после сказал, что он про Щугорский острожек раньше ничего не слышал.

– Так его только в прошлом году срубили, – сказал Гычев. – Воевода повелел. А то, говорил, что это такое, дорога стоит открытая, кто хочет ходи туда-сюда, носи что хочешь, и казне убыток. Вот и поставили острожек.

Маркел ещё раз осмотрел чертёж, а после спросил, кто сидит в острожке.

– Тихон Волдырь, десятник со стрельцами, – сказал Гычев. – И запасы у них, запасов много. Им же до весны одним сидеть, а может всякое случиться.

Маркел согласно кивнул. Тут к ним подошёл совсем ещё молодой подьячий. Гычев сказал, что это и есть его Санька, и, обернувшись, спросил у него, всё ли готово. Санька ответил, что всё, харчи уложены, и для собак тоже имеются, и даже есть ещё пудовый куль соли.

– Это берёзовским гостинец, – сказал Гычев. – У нас тут, дальше по берегу, солеварен много, а у них и у самих нехватка, да и с сибирцами можно меняться. Вон тот мешок на вторых нарточках.

Маркел посмотрел теперь уже на сани, или, как назвал их Гычев, нарточки. На них были уложены и для надёжности привязаны различные мешки, узлы и всякая прочая, наверное, нужная мелочь. Пора было ехать. Маркел ещё раз глянул на проводников, и, повернувшись дальше, посмотрел на церковь, потом, ещё дальше, на часовню...

За которой, как он только сейчас заметил, стояла высоченная толстенная берёза с голыми ветками. Берёза была очень-очень старая, Маркел таких ни разу в жизни не видел. Да и как он мог такую видеть, если её двести лет тому назад срубили?! Ведь это же та самая берёза! Вон сколько у неё на ветках всякого навязано – и тряпочек, и ленточек! Бесовство всё это, прости, Господи! Подумав так, Маркел перекрестился. Но берёза не исчезла. Тогда Маркел опять перекрестился. Берёза дёрнулась. А Гычев, сзади, вновь заговорил:

– Да, она вон там стояла, за часовней. А теперь там совсем ничего не растёт. Зимой, вот как сейчас, там везде снег и ничего не видно. А какая она здоровенная была! Спаси и сохрани!

И Гычев широко перекрестился. Берёза снова дёрнулась и медленно, но теперь уже окончательно исчезла – как растаяла. Маркел утёр пот со лба, поправил шапку, пошёл к нарточкам.

– На передние ложись! – громко, с крыльца, сказал Гычев. – На брюхо!

Маркел лёг на брюхо. Гычев громко засвистал, собаки рванули вскачь, вогулы побежали рядом. Маркел лежал лицом вниз и с непривычки ничего почти не видел, а только слышал, как опять со всех сторон зазвонили колокола. Эх, подумал в досаде Маркел, как всё недобро сложилось – у всех людей Рождество, а он как чёрт на собаках поехал, да ещё мимо чёртовой берёзы!

Глава 12

Так, брюхом на нартах, под собачий лай, Маркел выехал из города. И было это тогда вот как: впереди, на лыжах-ступанцах, бежал старший вогул, за ним ехал на нартах Маркел, а за Маркелом ехали вторые нарты со вторым вогулом. Он, как иногда на поворотах замечал Маркел, ехал не лёжа, а сидя. Маркел тоже попытался сесть, но почти сразу же не удержался и перевернулся вместе с нартами. Собаки перестали лаять и остановились. Вогулы подбежали к Маркелу и помогли ему подняться. При этом старший вогул покачал головой и сказал:

– Крепко лежи! Насидишься ещё.

Это он сказал по-русски. Маркел опять лёг на нарты и подумал, что это очень хорошо, что они знают по-нашему, он им тогда...

Но тут собаки опять побежали, Маркел крепко вцепился в нарты и ни о чём другом уже не думал, а только как бы опять не свалиться. Так он проехал ещё версты две и мало-помалу приловчился, благо поле было ровное. Тогда он опять сел прямо и так проехал немного, а потом снова упал. Но теперь он уже сам поднялся, разобрал постромки и поехал дальше. Поле кончалось, приближался лес. Лес, вспомнил Маркел, по-вогульски называется «тайга». И ещё ему подумалось, что надо учиться по-вогульски, потому что как это не знать, о чём рядом с тобой говорят, а вдруг говорят недоброе?

Но пока что ничего недоброго не предвещалось, они с поля въехали в тайгу, и теперь передовой вогул бежал уже не так быстро, как раньше. Также и второй вогул уже не ехал в нартах, а бежал рядом с ними, потому что собакам теперь стало намного тяжелее. И так они бежали долго, до полудня. В полдень вогулы остановились, Маркел поднялся с нарт, собаки легли в снег.

– Перекусить пора, – сказал Маркел.

– Нет, – строго сказал старший вогул, – собачкам будет тяжело. Они с полным брюхом бегать не умеют.

– А вы? – спросил Маркел.

На что старший вогул ответил, что они сегодня уже ели. Маркел пожал плечами, искал в мешках, отломил краюху хлеба и сел перекусывать. В тайге было тихо, небо чистое, солнце висело низко, его было почти не видно за деревьями. Вогулы сидели на корточках, что-то жевали.

– Что это у вас? – спросил Маркел. – Еда такая?

– Нет, – сказал старший вогул. – Это пун. Дурной гриб. Дать тебе?

– Мухомор? – опасливо спросил Маркел.

– У вас, может, мухомор, – сказал старший вогул, – а у нас пун. Его пожевал, лёгким стал, побежал. Дать пуну?

Маркел сердито отмахнулся.

– Смешной ты, – сказал старший вогул. – Скоро замёрзнешь. Нас Гычка будет ругать за тебя крепко-крепко.

Маркел ничего на это не ответил. Вогулы встали, повыплёвывали жвачку. Старший вогул сказал:

– Ехать пора. Теперь садись в другие нарточки, а эти пусть отдохнут.

Маркел пересел куда ему было указано и крепко взялся за поручни. Старший вогул, больше ничего уже не говоря, развернулся и побежал дальше. Собаки кинулись за ним. Небо было серое, а тучи на нём красные. Мороз пробирал до костей. Маркел, чтобы хоть чем себя отвлечь, достал гычевский чертёж и стал его рассматривать, вертеть и так, и сяк, но нарты так сильно трясло, что Маркел вскоре убрал чертёж обратно.

Да и ничего не лезло в голову! Маркел проголодался до смерти, пора было делать привал, солнце уже вон как низко опустилось... А этим, думал Маркел, что, они, грибов нажравшись, ничего не чувствуют, и теперь могут бежать без остановки хоть до самого Берёзова.

Но тут Маркел, слава богу, ошибся. Старший вогул остановился, обернулся и махнул рукой. Собаки сбились с бега, перешли на шаг. Второй вогул догнал Маркела и сказал, что они уже приехали. Маркел сошёл с нарта. Вогулы отошли с тропы немного в сторону и довольно быстро раскопали в снегу вход в землянку. Маркел сразу вспомнил, как он в прошлый свой приезд в Сибирь уже видал такое. Но ведь тогда он шёл пешком, а теперь он едет на собаках, и если он даже тогда, пешком, дошёл, то теперь и подавно доедет! Вот о чём он тогда думал, держась за бок, пока вогулы разгребали снег.

Потом они, уже все вместе, наломали веток и развели костёр на поляне, а в землянке разожгли щовал, чтобы там, внутри, к ночи прогрелось. Ну а пока старший вогул варил на костре кашу, а младший рубил мороженую рыбу и кормил собак, а после их привязывал. Потом старший вогул разлил кашу по мискам, и они поели, залезли в землянку и легли. Маркел лежал возле щовала, потому что там было теплей всего. Но, думал Маркел, зато здесь слишком крепко спится, а надо быть настороже. И он поправил кистень в рукаве, а после стал ровно дышать, потом даже начал притворно похрапывать... И не заметил, как заснул.

А утром проснулся живой, невредимый, и бок совсем не болел, вот только голова шумела от угара. Он тогда вышел из землянки, осмотрелся. Вогулы уже разожгли костёр, и старший опять стал варить кашу, а младший разнимал дерущихся собак. Собаки выли от досады, но негромко.

Потом Маркел с вогулами ел кашу. После запрягли собак, поехали. День был пасмурный, немного выюжило, по-вогульски это называется «пуржило». Ехали небыстро, и всё тайгой да тайгой. В полдень опять остановились, дали собакам отдохнуть, Маркел перекусывал, вогулы, как и в прошлый раз, жевали пун, говорили, от него тепло, но Маркел снова от него отказался – и мёрз, и молчал. А потом вдруг сказал, что вот они уже второй день едут и никого не встречают, здесь, он спросил, что, в самом деле никто не живёт, или это от них все заранее прячутся? И вогулы на это ответили, что людей здесь и в самом деле зимой не бывает, зимой здесь только одни менквы остаются. А менквы, продолжал старший вогул, это такие дикие мохнатые люди, они едят других людей, если поймают. Маркел усмехнулся и сказал, что это бабьи страхи.

– Ащ! – строго сказал старший вогул. И стал опять жевать пун.

А после поехали дальше. И как только теперь Маркел заметил, вогулы старались держаться в тайге тихо, будто они в самом деле боялись, что их кто-нибудь услышит. И даже собаки там не лаяли, а, поджав хвосты, бежали молча. Вот так и прошёл тогда тот день – в молчании. А вечером они нашли ещё одну землянку, там переночевали, утром вышли ещё затемно, вскоре тайга кончилась, и впереди открылось широченное замёрзшее болото с торчащим из него голым редким кустарником. Вогулы остановили собак и стали между собой о чём-то переговариваться. Потом старший вогул, повернувшись к болоту, что-то быстро-быстро прошептал, потом странно махнул рукой, ещё немного постоял, послушал, а после обернулся и сказал, что можно ехать. И первым пошёл вперёд. За ним пошли собаки, потащили нарт. За нартами пошёл Маркел. Лёд под ногами проседал, поскрипывал. Идти было очень противно. И, что ещё противнее, Маркел не решался креститься.

Так они шли довольно долго, но потом лёд под ногами окреп, перестал проседать, старший вогул обернулся и сказал, что можно садиться в нарт. Маркел сел. Старший вогул быстро прошёл вперёд, за ним побежали собаки. Маркел сидел в нартах, стараясь держаться как можно ровнее, и раз за разом читал «Отче наш».

И, слава богу, больше им таких гадких болот не встречалось. Дорога была ровная, всё время в гору. Так что они ехали себе и ехали, и бывало это так: утром, наскоро перекусив, вогулы запрягали нарт, Маркел садился на передние, и они выезжали. В полдень Маркела

пересаживали на другие нарты, это чтобы собак не перетрутить, а вечером они каждый раз безошибочно подъезжали к спрятанной в укромном месте землянке, разводили огонь, перекусывали, кормили собак и ложились спать.

Так они ехали семь дней. Дороги никакой почти что не было, а были просто более ровные места, по которым бежали, меняясь, вогулы на лыжах, а уже за ними, по проторенной тропе, ехали нарты, в одних из них сидел Маркел. Когда собакам становилось совсем тяжело, Маркел вставал и шёл рядом. Когда была пурга, они её пережидали. Однажды целый день пережидали. А весь следующий день они всё время ехали по косогору. Нарты так и стягивало вниз, приходилось их придерживать. Потом тропа стала всё круче подниматься в гору, а самой горы видно не было, она вся была в пурге. Лес кончился, остались только одни камни. Потом и камней не стало видно, везде был только один лёд. И это хорошо, говорили вогулы, лёд – это замёрзшая река Щугор, вдоль этого Щугра они выйдут к так называемому Щугорскому острожку, или к Щугор-паулю, как это раньше называлось по-вогульски. И до него, говорили вогулы, осталось совсем немного.

Ну а пока дула пурга, стоял лютый мороз. Они шли по тропе, Маркел в нарты уже не садился, шёл рядом с собаками, притопывал. Тропа была узкая-узкая, а горы поднимались вверх как стены, как колодец, а на стенах колодца висели сугробы. Сугробы были огромные. Поэтому, как говорили вогулы, если громко крикнуть, то эхо твой крик повторит, и ещё повторит, и ещё, и затрясутся горы, и сорвутся с них эти сугробы, в каждом из них будет возов на сотню снега, и засыплет тебя так, что ты оттуда уже никогда не выкопaeшь, а там и задохнёшься насмерть. Маркел поглядывал вверх, покашливал, эхо его кашель повторяло, и горы как будто потряхивались. Но это так только казалось, понимал Маркел, это такая же брехня, как и про менквов – и опять покашливал, шёл дальше, то и дело доставал чертёж, разворачивал его, смотрел, и получалось, что уже вот-вот должен показаться Щугорский острожек, а он всё не показывался и не показывался. Солнце склонялось всё ниже и ниже, пуржило.

А острожка не было и не было! Маркел шёл, смотрел вперёд, глаза слипались, уже начинало смеркаться. И было это в самом конце декабря, в самый последний день, в Васильев вечер. Всякий крещёный человек, думал Маркел, сидит в такое время дома, со своими домочадцами и вспоминает своих дедов, прадедов. А он что делает? К каким ведьмам его занесло и к каким чёртовым берёзам?!

Собаки вдруг остановились, поджали хвосты и затаивались. А Маркел увидел впереди, шагах в полусотне, не больше, сторожевую жердь – рогатку, точно такую, какие в Москве ставят на ночь, перегораживают улицу, чтобы лихим людям не было проходу. А тут, правда, и сама рогатка была наполовину засыпана снегом, и никакого караула при ней не стояло. Маркел прибавил шаг и почти что побежал. В боку сильно закололо, ну и чёрт с ним, с боком! Маркел подошёл к рогатке, остановился, посмотрел налево, направо...

Глава 13

...И увидел острог – маленькое городище, обнесённое высоким тыном, с небольшими крепкими воротами. Маркел пошёл к воротам. Но не прошёл он и десяти шагов, как из-за ворот послышалось:

– Эй! Стой!

Маркел остановился.

– Ты кто такой? – спросили.

– Я царёв гонец, – сказал Маркел. – Еду из Москвы в Берёзов. У меня государево дело.

– А грамота у тебя на это имеется?

– Имеется. Но это для воеводы. А для тебя у меня подорожная. Вот!

Маркел достал её из-за пазухи и, держа перед собой, опять пошёл к воротам. Теперь там молчали. Маркел подступил к воротам и сунул подорожную в щель между брёвнами. Подорожную тут же забрали, немного помолчали и сказали, что уже темно, надо огня подать. И было слышно, что один остался на месте, а второй ушёл. Потом он вернулся и привёл с собой ещё кого-то. Этот кто-то грозным голосом спросил, что тут случилось. Маркел на это спокойно ответил:

– Волдырь, не гневи меня. В подорожной всё написано. Я из Москвы, из Разбойного приказа, со мной красная овчинка, открывай скорей, ну!

С той стороны, вполголоса бранясь, начали мало-помалу открывать. А когда открыли, то Маркел увидел, что перед ним стоит толстый, матёрый десятник, а это и был Волдырь, и с ним двое молодых стрельцов. Волдырь смотрел, насупившись. Маркел подступил к нему, выставил руку. Волдырь вернул ему подорожную, после глянул на вогулов и велел одному из своих стрельцов пристроить их, а второму бежать в дом и накрывать на стол, как он сказал, для гостя.

После того как стрельцы разошлись, Волдырь ещё раз осмотрел Маркела и сказал, что время зимнее, позднее, они в такую пору никого не ждут, поэтому и принимают наспех. Маркел промолчал. Волдырь повёл его в острожек. Острожек был совсем маленький – одна большая изба, за ней вторая поменьше и ещё несколько каких-то хозяйственных построек, вот и всё.

Волдырь с Маркелом взошли на крыльцо, прошли через сени и свернули на жилую половину. Там над столом горела лучина, сбоку от стола были видны полаты, занавешенные холстинами, за которыми кто-то похрапывал, а кто-то и ровно дышал. Волдырь пригласил садиться. Маркел снял шапку, перекрестился на иконы, сел и сказал:

– Что же это вы в такое время спите?

– Как в какое? Ведь уже темно, – сказал Волдырь.

– Так Васильев вечер же, – сказал Маркел.

– Как это сегодня Васильев? – удивился Волдырь. – Васильев был вчера.

– Нет, Васильев сегодня! – уже строго сказал Маркел. – Я считал!

Волдырь помолчал, посмотрел на Маркела, потом растерянно сказал:

– О! Грех какой! Мы тогда что, живём, воскресных дней не соблюдая?

– Получается, что так, – сказал Маркел.

Волдырь утёр лоб, обернулся. В избу как раз вошёл уже знакомый Маркелу стрелец, и Волдырь сказал ему:

– Слышь, Гришка?! Василий-то сегодня! А мы вчера – это зря.

Стрелец кивнул и начал накрывать на стол. Стол получался не очень богатый, но и не бедный. Да, и ещё: пока стрелец накрывал, с полатей начали слезать его товарищи, все молча, и также молча садиться к столу. Скоро на полатях уже никого не осталось. Маркел смотрел на сидящих. Все они были на вид помятые, медлительные, но это, наверное, со сна. Волдырь велел всем наливать. Налили. Волдырь торжественно сказал:

– За Щедрый вечер и за гостя нашего московского.

Все выпили. Маркел встал, назвал себя и ещё раз, уже всем, сказал, что он едет из Москвы в Берёзов по государеву делу, дело спешное, поэтому он завтра сразу же проедет дальше. Сказав это, он сел. Вначале все молчали, а после Волдырь, уже многозначительно, сказал:

– Да, дело царское.

– Как тут у вас, спокойно ли? – спросил Маркел.

Стрельцы стали усмехаться, а Волдырь громко, уверенно сказал:

– Спокойно, слава Тебе, Господи! Да ты сам видишь, как здесь тихо.

– Да уж, – сказал Маркел. – Так тихо, что даже ясак у вас пропал куда-то.

– Ты это про Лугуя, что ли? – спросил Волдырь. – Так а мы здесь при чём? Собирать и отвозить ясак это не наше дело. Наше дело смотреть за порядком, принимать тех, кто сюда приезжает, и провожать тех, кто отсюда уезжает.

– Так что, – спросил Маркел, – Лугуй через вас не проезжал?

– Нет, не проезжал, – сказал Волдырь. – Срок прошёл, потом мы ещё три дня прождали, а после я послал вот этих, – и он показал на двоих из сидящих, – они сошли вниз, на сибирскую сторону, поискали, развернулись и пришли обратно. Не нашли они Лугуя! И следов никаких не нашли.

– Так как это? – спросил Маркел. – Куда он тогда подевался?

– Я думаю, – сказал Волдырь, – заворовал Лугуй, схоронился где-нибудь в тайге. Летом они на виду, на реке, рыбу ловят. А зимой шасть в тайгу, и пропал, и кто его там найдёт?

– А чего он вдруг пропал?

– Обиделся. Городок у него отобрали.

– Кто отобрал?

– Воевода, кто ещё.

– За что?

– Да как это за что? – удивился Волдырь. – Да ты бы только видел, что они тут в прошлом году творили! Этот твой Лугуй и его дружок Агайка. Но воевода им ходу не дал. Агайку забил в железа и отправил к вам в Москву. А у этого отняли городок, Сумт-Вош, вот он и обиделся. Сейчас, наверное, мутит, подбивает своих на войну, идти отбивать Сумт-Вош.

– А где этот Сумт-Вош?

– Как где? – опять удивился Волдырь. – В Берёзове. Раньше Берёзов был Сумт-Вош и была Лугуева вотчина. А как Лугуй в прошлом году заворовал, воевода пошёл на него, а он затворился в Сумт-Воше. Мы его оттуда выбили и городок его сожгли, а потом на его месте поставили Берёзов.

О, радостно подумал Маркел, с гычевскими речами слово в слово сходится! А вслух сказал:

– Лугуя понять можно. Отобрали городок. Конечно, жалко!

– Да какой там городок! Одни землянки! – сердито сказал Волдырь. – И воевода говорил ему: ставь новый Сумт-Вош на новом месте, ставь хоть прямо рядом с нами. А он: нет, не хочу! И ушёл. И как пропал. Это было летом. И так с той поры ни слуху ни духу о нём. И ясак не выдал. А мы ждали!

Маркел задумался. Потом спросил:

– А с чего всё это началось? Чего Лугуй вдруг начал воровать? Он ведь раньше тихий был. Волдырь усмехнулся и сказал:

– Вогул тихим не бывает, это ты скоро увидишь. А тут ещё был у Лугуя дружок, князёк Агай Кондинский, и тут вдруг ещё один князёк, Игичей Кодский...

– А, это я знаю! – перебил Маркел. – Игичей побил Агая, разорил, и отобрал у него дочь, тогда Агай призвал Лугуя... Так?

– Ну, так, – нехотя сказал Волдырь.

Маркел усмехнулся и продолжил:

– Ну, вот, теперь всё ясно. Девку они не поделили. А то у нас в Москве начали такое говорить, что Лугуй против царя заворовал и что будто хочет к Золотой Бабе перекинуться!

За столом молчали. Маркел удивился, спросил:

– Вы что, про такую никогда не слыхали – про Золотую Бабу?

– Как не слыхали. Слыхали, – ответил Волдырь. – Про неё здесь много говорят. Но это вогулы. А нам про неё лучше молчать пока что.

– Почему это вдруг так? – спросил Маркел.

– Да потому что, – ответил Волдырь. – И почему это всё я да я должен рассказывать? А вот приедешь в Берёзов, в бывший Сумт-Вош, и у воеводы спрашивай.

Маркел осмотрелся. Опять все молчали.

– Ладно! – сказал Маркел с усмешкой. – Пусть будет так. Про Золотую Бабу больше ни словечка. Ну а у вас самих как идёт служба?

– А чего ей, – сказал Волдырь. – Служба как служба. Лучше чем в Берёзове. Даже просто сказка, а не служба. А мы сюда идти не хотели! Здесь же вон какое продувное место! Здесь же раньше была Большая вогульская дорога, так её называли. Ходили по ней все кому было не лень туда-сюда, таскали всё что хотели, и казне был великий убыток. Тогда мы в прошлом году сюда пришли, поставили острожек, и с той поры кто бы через нас ни шёл, кто бы ни ехал, останавливаем всех подряд, спрашиваем подорожные, осматриваем кладь, и с мехами или с серебром на нашу сторону не пропускаем.

– А с золотом? – спросил Маркел.

– Золота в Сибири нет, – строго сказал Волдырь. – Сколько лет здесь караулю, ни разу не видал. Ни крупинки! А меха и серебришко тащат, да. Но мало.

– Почему?

– А зачем им через нас таскать? Они через Лозьву теперь ходят. Это от нас недалеко. И там иди кто хочешь! А мы здесь сиди да мёрзни. Ну и я дал знать в Берёзов, воеводе. Воевода отписал, что это верно. Так что, может, уже этой весной нас переведут на Лозьву, и мы там новый острожек поставим.

– А это место что, – спросил Маркел, – вот так и бросите? И эту дорогу так оставите открытую?

– А что дорога?! – строго спросил Волдырь. – Её за пазухой не унесёшь. Но и мы об этом тоже думали: уйдём, дыра останется. Поэтому решили вот как: воевода обещал прислать две бочки пороха, и мы их как рванём – гора обвалится, и проходу здесь совсем не будет. Завалит всё! Никакая мышь не проскочит! Видал, какая там гора висит, когда идёшь, прямо над головами?

– А, ну тогда да, конечно, – согласно закивал Маркел. – Порядок во всём должен быть.

– Вот так и воевода говорит! – радостно подхватил Волдырь. – При нём у нас теперь порядок! А то что раньше здесь творилось? Бог отступился! Эти агаряне-нехристи на нас так и наседали, наши от них чуть отбивались. А три года тому назад они вдруг как пришли сюда в большом числе... а здесь тогда был ещё первый наш острожек... И вот они пришли сюда, всех перебили, кожу с мёртвых голов посдирали, у них это «ух-сох» называется, или головная кожа. Там же у вогулов как: кто среди них смелее и ловчее, у тех ух-сохов больше. И вот эти самые ловкие всех наших тогда перебили, ух-сохи с них сняли и ушли, и всех коней из конюшни забрали.

– А кони им зачем? – спросил Маркел.

– А это у них такое бесовство. Они когда к своим божкам на мольбище ходят, коней им подносят. Зарезанных коней, конечно, безголовых. А головы в болоте топят. Вот такой обычай, прости, Господи. Но ладно! И вот они ушли, а мы сидим у себя в Яренске, это уже по весне, и ждём от наших весточку. Не дождались, пошли сами. Приходим сюда, смотрим, а тут такое...

Волдырь замолчал, перекрестился, после знаком показал налить. Налили, выпили, не чокаясь, немного помолчали.

– Ладно! – сказал Волдырь. – Чего там! Да и теперь такого не бывает, и дальше не будет. Может, ещё чего хочешь спросить?

– Хочу, – сказал Маркел.

После полез за пазуху, достал гычевский чертёж и расправил его на столе. Стрельцы, чтобы лучше рассмотреть, привстали с лавок, но молчали. Спросил, как всегда, Волдырь:

– Что это?

– Это чертёж Югры, – сказал Маркел. – Вот это Вымь, это Камень, это вот где-то здесь мы. А это Берёзов.

Стрельцы смотрели, молчали. Маркел, ещё немного подождав, спросил:

– Ну, как, всё ли тут верно указано?

Стрельцы, вначале с опаской, а потом всё смелей и смелей, вразнойбой ответили, что верно. Тогда Маркел спросил, а где лугуевские городки, а это, кроме Берёзова, бывшего Сумт-Воша, ещё Куноват, Илчма, Ляпин, Мункос и Юил. Стрельцы стали указывать, и это тоже вразнойбой, потом даже стали между собой спорить. Маркел слушал и делал пометки. Потом спросил, где Агаевы земли, потом где Игичеевы, потом где остальных князьков.

– А где наши городки? Почему их не пишешь? – спросил Волдырь.

– Наши не надо метить, мало ли, сказал Маркел.

Волдырь согласно кивнул. А стрельцы продолжали указывать. Много они тогда чего добавили! Чертёж стал уже весь исчеркан, когда один из стрельцов вдруг сказал про Обдорск:

– А он не здесь, а вот здесь! Потому что здесь тропа к Золотой Бабе!

Сказал – и сразу замолчал, и, может, даже прикусил язык. И все остальные молчали. Маркел взял чертёж и отчеркнул на нём ещё одну заметку.

– Э! – только и сказал Волдырь. – Дурь это. Сколько она добрых людей сгубила, а ты хочешь ещё сгубить!

– Кто это «она»? – спросил Маркел.

– Сам знаешь, – сердито ответил Волдырь.

– Знаю, да не всё, – сказал Маркел. – А царь-государь мне велел всё узнать. И я узнаю! – После оборотился к тому стрельцу, который обмолвился про Золотую Бабу, и спросил: – Ты что, там был?

Стрелец тяжело вздохнул и также тяжело ответил:

– Да я там был не один. Много нас тогда туда пошло, мало вернулось.

– Как это так? – спросил Маркел.

– Да что я, – сказал стрелец. – Да там пол-Берёзова перебивало. А ещё, может, два Берёзова под лёд ушло.

Сказав это, стрелец перекрестился. Все молчали. Даже Волдырь не знал, что говорить. Маркел смотрел на чертёж, думал...

Но не думалось – стрельцы смотрела на него, сбивали с мысли. Тогда Маркел сказал, что время позднее, да и он устал с дороги. А Волдырь сразу встал от стола и прибавил, что пора и честь знать, нагулялись. Стрельцы полезли обратно на полати. А Маркелу, как гостю, постелили при столе, на лавке. Маркел лёг, задули свет, Маркел подумал: очень это странно, что-то здесь не так, вертят они, не договаривают...

И заснул.

Глава 14

Утром Маркел быстро собрался, перекусил и вышел из избы. Волдырь вышел за ним следом. Были ещё сумерки, но вогулы, вместе с собаками, уже стояли посреди двора. Вдруг Волдырь едва слышно сказал:

– Ты им особенно не доверяй.

– Почему это вдруг так? – спросил Маркел.

– Сон мне недобрый был, – сказал Волдырь. – Будто кто-то висит на берёзе, на нижней ветке. А сама берёза высоченная, толстенная. И, чую, что это кто-то знакомый висит, только лица не вижу. Я хотел подойти ближе, глянуть... И проснулся. Смотрю, ты на лавке спишь, ровно дышишь. Значит, думаю, живой.

– Всё сказал? – строго спросил Маркел.

Волдырь кивнул, что всё.

– А теперь я скажу! – ещё строже продолжил Маркел. – За собой больше смотри. Да за дорогой!

Повернулся и пошёл к воротам. Там сел в нарты. Волдырь перекрестил его, махнул рукой. Караульные открыли ворота, и Маркел поехал дальше.

Медленно светало, поднимался ветер. А после, порыв за порывом, задула пурга. Пурга дула очень сильно, Маркел даже подумал, что хорошо, что они едут по теснине, тут же некуда свернуть, а то давно бы сбились с дороги. Хорошо было, чего и говорить. И ещё ветер дул в спину.

Но недолго! Потому что теснина вдруг повернула направо, вместе с тесниной повернула и тропа – и ветер начал дуть в лицо. И он дул всё сильнее и сильнее. Вогулы, не дожидаясь полудня, объявили привал и подогнали нарты к самой стене теснины, там было немного поспокойнее. И опять собаки разлеглись в снегу, а вогулы сели жевать пун. Маркел молчал и слушал. Дуло громко, как в печной трубе. Вогулы шурились от снега. Им было тепло и хорошо. А у Маркела зуб на зуб не попадал, его всего трясло от холода. А тут ещё заболело в боку, и болело всё сильнее, но Маркел вида не показывал и даже за бок не брался. Но старший вогул вдруг спросил:

– Крепко болит, боярин?

– Ничего у меня не болит! – сердито ответил Маркел.

– Болит, болит, – сказал старший вогул. – Я вижу. Гычка меня убьёт, если я тебя не доведу. Тебе нужно грибка пожевать. Грибок тебе сразу поможет.

Маркел молчал. Старший вогул протянул ему кусочек гриба. Отравить они его хотят, подумал Маркел, это Лугуй их подослал, а вот не дамся, и всё!

И не дался – встал, сказал, что пурга улеглась и надо ехать дальше. И поехали, а правильной, пошли. Рана расходилась, боль утихла. Шли, молчали.

Так и на вечернем привале они ни о чём почти что не разговаривали.

Ночью, в землянке, Маркел спал беспокойно, вскакивал, а вот о чём был сон, не помнил. Зато ему то и дело вспоминался Волдырь и тот его недобрый сон, и было гадко.

Утром встали ещё затемно, быстро собрались и поехали. Пурга дула слабая, зато мороз был такой сильный, какого раньше ещё не было. Правда, на полуденном привале старший вогул сказал, что завтра они уже выедут в поле, и там будет легче, осталось совсем немного потерпеть. С этими словами он опять достал из-за пазухи пун, отломил кусочек и начал жевать его. Маркел смотрел на вогулов. Вогулам было хорошо, они грелись ядовитыми грибами, а Маркел не грелся, и он от мороза скоро сдохнет, думал он. А от гриба, может, и не сдох бы, потому что как только учуешь, что начал сдыхать, тогда его сразу выплёвывай и заедай снегом. Вот так! А потом доехал до Берёзова, там сдал этих воеводе и сказал: так, мол, и так, хотели отравить...

Но тут же подумал: нет, не так, а повернулся к старшему вогулу и сказал:

– А дай-ка и мне немного.

– Болит? – спросил старший вогул.

Маркел молчал. Но и руки не убирал. Старший вогул взял пун, отломил от него кусочек и подал Маркелу. Маркел сунул пун за щёку, начал жевать. Гриб как гриб, подумалось, и даже не очень горчит. И ничего не плывёт в голове, озноб не бьёт, и всякой дряни не мерещится. Дурят они его, вот что! Маркел жевал пун, жевал, и ровным счётом ничего с ним не случилось. Жевал, жевал...

Потом старший вогул тронул его за плечо и сказал, что пора ехать. Маркел опомнился и уже только тогда почувствовал, как ему стало тепло, нет, даже жарко – что хоть ты снимай шубу! И ничего не болело! Нигде! Маркел встал, встряхнулся, сплюнул жвачку, пересел в нарты, развалился как боярин и велел:

– Гони!

И они поехали. Горы стали совсем низкими, теснина раздалась в стороны, ветер утих, шёл редкий снег. Холода Маркел не чувствовал. Никто ни о чём не говорил. Так они молчали и на привале у костра, и ночью в землянке тоже. Но всё равно не спалось! Маркел лежал и притворялся спящим, ему чудились какие-то шорохи, казалось, что сейчас его зарежут. Такие мысли не к добру, подумалось, потому что всегда так бывает, когда скоро быть беде. Надо к беде готовиться! И Маркел полез за пазуху, достал князя семёнову грамоту берёзовскому воеводе. Грамота была уже сильно потрёпана, печати покривились и расплылись, ну да что поделаешь. Маркел снял валенок, спрятал в него грамоту, опять обулся. На душе сразу стало спокойнее, даже начало клонить ко сну. Маркел перекрестился, три раза прочёл «Отче наш» и заснул.

Также и утром на душе было легко. Маркел перекусил в охотку и также в охотку сел на нарточки. А тут ещё, они совсем мало отъехали, дорога вдруг вывела их в чистое поле. Дальше за ним была видна тайга. Они остановились, осмотрелись. Небо было чистое, светило солнце, а мороз был такой лютый, что даже дышать не хотелось. Маркел глянул в гычевский чертёж и сказал, что в Берёзов надо забирать налево.

– Нет, – сказал старший вогул, – направо. Там дальше будет река, мы по реке пойдём, по льду. Мы так всегда ходим. А по тайге, нам не пройти, только собак загубим.

– Значит, так Бог велел, – строго сказал Маркел.

– Какой злой у тебя Бог!

– Уж какой есть! Гони!

Старший вогул покачал головой и пошёл, забирая влево, на Берёзов. Собаки пошли за ним. Старший вогул побежал – собаки побежали следом. Маркел сидел в нартах, поскрипывал зубами, думал, что недобрые проводники ему попались, Лугуй их подкупил, ну да ещё посмотрим, чья возьмёт.

И так они, мало-помалу, проехали через поле и подъехали к редкому лесу, правильной, к тайге, конечно. Но заезжать в неё не стали, а остановились на опушке. Собаки сразу легли в снег, вогулы сели рядом, а рядом с ними сел Маркел. Старший вогул дал ему зубчик пуна, Маркел начал жевать, в боку сразу перестало резать, и мысли в голову полезли добрые. Чего это, думал Маркел, он на вогулов так злится, они ведь правы, дорога на Берёзов и в самом деле идёт правее, по реке Ляпин. Другое дело, что эта река заходит в Ляпин-городок, а Ляпин-городок – это Лугуева вотчина, а к Лугую пока лучше не соваться, так ему и в Москве говорили, а, говорили, сперва надо заехать в Берёзов и взять там стрельцов хоть полсотни, и уже только после этого ехать по лугуевским городкам и искать там самого Лугуя, брать его в расспрос, и всё такое прочее. Ну да это хорошо было рядить в Москве, в тепле, а тут, мухоморов нажравшись, разве что...

Но тут Маркел сбился с мысли. Ещё бы! Из леса на опушку выходили люди. Они были с луками, одеты по-вогульски, и их было много. Старший вогул, Маркелов проводник, вскочил,

молодой вогул вскочил с ним рядом. Старший вогул стал низко кланяться. Вогулы с луками заулыбались. А один из них, одетый лучше всех и с саблей, спросил по-вогульски:

– Кого везёте?

– Урусута из Москвы, – сказал старший вогул. – Так было приказано.

– Кем приказано?! – насмешливо спросил вогул, одетый лучше всех.

Старший вогул молчал.

– Снять с него! – приказал самый лучший.

Двое вогулов-воинов подскочили к старшему вогулу, один схватил его за голову, а второй махнул туда-сюда ножом – и срезал у него с головы кожу вместе с волосами. Старший вогул залился кровью и завыл. Его толкнули, он упал, немного похрипел и стих. А в молодого кто-то выстрелил, и он тоже упал, и теперь у него из горла торчала стрела. Маркел смотрел на стрелу и не мог пошевелиться. Вогулы тоже стояли на месте. Только тот вогул, который был одет лучше всех, подошёл к Маркелу и спросил:

– Ты кто такой?

Маркел пожал плечами. Сейчас, подумал он, с него тоже снимут кожу, и это будет быстро. Но самый лучший вогул не спешил.

– Хочешь умереть? – спросил он. – А зачем ты мне мёртвый? Ты мне нужен живой. Ты мне такой во сне приснился, разве нет?!

Маркел молчал. Самый лучший рассмеялся и сказал:

– Если молчишь, значит, я правду говорю. – И, обернувшись к своим, повелел: – Взять его!

К Маркелу сразу подскочили, схватили под руки и растянули вправо-влево. Кости затрепщали как на дыбе. Самый лучший подошёл и замахнулся саблей. Маркел на это только усмехнулся. Самый лучший тоже усмехнулся, убрал саблю в ножны и сказал:

– Грибов наелся, оттого и смелый. Обыскать его!

Подбежал ещё один вогул, полез Маркелу за пазуху и достал оттуда подорожную. Лучший вогул взял её, развернул, нахмурился, спросил:

– Что здесь написано?

Эх, подумал Маркел, Господи, помилуй, и ответил:

– Я неграмотный. Читать не умею.

– Ладно, – сказал самый лучший вогул. – Найдём того, кто умеет. Да оно и так понятно, что это такое. Это царёва грамота. У простых людей таких грамот не бывает, значит, ты царёв посол. Мне про тебя был сон! Мне в моём сне Великая Богиня предсказала, что ты пособишь мне взять Берёзов. Вяжите его!

Маркела подхватили и поволокли, подволокли к ближайшим нартам, повалили на них, брюхом вниз, и привязали к ним ремнями. Подошёл самый лучший вогул и сказал:

– Смешные вы люди, москва. Думали меня обмануть. Думали проскочить незаметно! Да только как это можно, если мне сама Великая Богиня помогает!?

И он засмеялся. А Маркел подумал, что это Лугуй, больше некому. И тут же невесело подумалось, что вот он и сделал половину дела – нашёл Лугуя, теперь только осталось отвезти его к Золотой Бабе, или к Великой Богине, как величает её Лугуй, и привести их обоих к кресту, потом допросить с пристрастием...

Но тут Лугуй велел ехать. Нарты рванулись и помчались всё быстрее. Маркел ничего не видел, он же лежал лицом вниз, снег залепил глаза, вогулы бежали рядом и свистели, собаки тявкали, нарты кидало с боку на бок, Маркел то зарывался в снег, то задирался вверх, а то и падал, его поднимали, свистели, собаки снова пускались бежать. Мало-помалу начало смеркаться. И, с удивлением думал Маркел, у него не болело в боку, и было не холодно, и не хотелось ни есть и ни пить, и даже не хотелось знать, отчего всё это приключилось и чем кончится. Только одного ему тогда хотелось: скорее хоть куда-нибудь приехать и остановиться.

Глава 15

Но вот стало совсем темно, а они всё не останавливались. Маркел напыжился, сдвинул ремни. Стало немного свободнее, Маркел начал вертеть головой и поглядывать по сторонам. Они, как он увидел, ехали по редколесью, небо было ясное, светила луна, дорогу было видно хорошо. Так они могут и всю ночь бежать, думал Маркел. И, дальше думал, а куда они бегут? В Ляпин-городок, или в Ляпин-пауль по-вогульски. Эта крепость, если верить гычевскому чертежу, совсем небольшая, ну да Гычев её, может, и в глаза не видел и нарисовал с чужих слов, а чтобы о чём-то судить верно, это нужно обязательно увидеть собственными глазами. И вот у него, думал Маркел, такой случай скоро представится.

Ну а пока что было так: лес кончился и началось болото, снег, правильнее, лёд стал прогибаться под нартами всё сильнее и сильнее. То есть сразу же вспомнил Маркел, они сейчас, как и тогда, на той стороне Камня, опять едут через кантым-ма, или же злое болото по-нашему. Только тут болото было ещё злей! Лёд прогибался всё больше и больше, вогулы начали осаживать собак, хватать их за постромки, а Маркелу было велено не шевелиться. Маркел лежал смирно, читал «Отче наш» и ещё успевал думать о том, что если вдруг что, то он пойдёт на дно как топор, вместе с нартами.

Но этого пока что не случилось, нарты мало-помалу двигались вперёд, ветер посвистывал, мела пурга, мороз крепчал. Так они шли с версту, не меньше, потом лёд перестал трещать. Потом они прошли ещё с версту, и впереди вдруг послышалось мерное буханье. Это бубны, подумал Маркел, значит, Ляпин-пауль совсем близко. И так оно, наверное, и было, потому что, заслышав бубны, лугуевские люди сразу оживились, стали показывать вперёд и погонять собак, собаки с шага перешли на рысь. А бубны бухали всё громче и всё ближе. Лугуевские начали свистеть, свистели они чисто по-разбойничьи. Спаси и сохрани, думал Маркел и мысленно крестился, потому что руки были связаны.

А потом на снегу там и сям стали появляться огненные сполохи. Потом стали слышны голоса – это они пели что-то заунывное. А бубны гремели так, что аж в ушах было больно. Совсем приехали, подумалось.

И верно – Лугуй закричал, и все остановились. К Маркелу подошли и развязали его. Маркел встал и осмотрелся. Была ясная лунная ночь, впереди горели костры, возле них стояли лучники, по-вогульски правильнее ляки, и, размахивая луками, пели что-то очень важное. Потом замолчали. Лугуй пошёл в их сторону. Маркела стали толкать в спину, пинать копьями, и он пошёл за Лугуем, а уже за ним пошли лугуевские люди. Бубны загремели ещё громче. Маркел шёл за Лугуем и смотрел по сторонам. Костров было много, не меньше десятка, при каждом костре, считал Маркел, по десятку ляков, лучников. А дальше опять были костры, ещё с десятков, а вон и шаманы с бубнами. Шаманов было четверо, они плясали. Четверо, значит, четыре войска собралось, с чужим шаманом на войну не ходят, ещё успел подумать Маркел...

А дальше костров уже не было, а был виден высокий холм, по-вогульски правильнее, сопка, она была саженей в двадцать в высоту и залитая льдом. На верху её стоял высокий частокол, как и в Пелымском городке у князя Аблегирима. Вот только тогда было лето, и сопка поросла травой, а здесь был только один лёд сверху донизу. Как на такую высоту и скользоту подняться? И ни ворот там, наверху, ни башен – ничего.

Но только Маркел так подумал, как к нему подошли лугуевские люди, взяли его под руки и повели вперёд, к ледяной сопке. Там, у её подножия, уже стоял Лугуй. Наверху, на частоколе, показалась длинная верёвочная лестница. Её раскачали и сбросили. Первым, так велел Лугуй, по ней полез один из его лучников. За ним, тоже по велению Лугуя, полез Маркел, а уже за ним и сам Лугуй. Лестница болталась и тряслась. Хорошо ещё, думал Маркел, что хоть ступеньки в ней не гнутся, потому что деревянные.

Забравшись наверх, на вершину стены, Маркел снова осмотрелся. Вдоль стены, на подмостях, там-сям стояли лучники, или, по-вогульски, ляки. А дальше, в самой крепости, был виден большущий двухэтажный дом, это, конечно, были княжеские хоромы, вокруг которых горели костры, а возле костров стояли ляки. И плясал шаман, бил в бубен. Здесь, подумал Маркел, уже только здешние, ляпинские, а остальных, на всякий случай, в крепость не пустили, стерегутся.

Пока Маркел об этом думал, Лугуй начал спускаться со стены. Маркел стал спускаться за ним следом.

Лугуй, спустившись вниз, сразу повернулся идти к хоромам. Маркел повернул туда же, но тут к нему подскочили какие-то люди и схватили под руки.

– Князь! – громко окликнул Маркел.

Лугуй обернулся, посмотрел на Маркела, отвернулся и пошёл дальше, к хоромам. А его люди потащили Маркела куда-то к кострам. Стоявшие возле костров вогулы без особого любопытства поглядывали на Маркела. А его вели всё дальше, пока не подвели к одной из землянок, возле которой стоял караульный с копьём. Маркела толкнули в спину, он полез в землянку.

Там было темно и ничего не видно. Маркел пролез ещё вперёд, нашёл щовал, за ним лежанку. Щовал был холодный, а лежанка ещё холодней, и накрыться было нечем. Маркел сел на лежанку, спрятал руки в рукава и подумал, что долго он тут не продержится, замёрзнет насмерть. Зачем тогда было его хватать, тащить по лесу? Могли сразу убить, хлопот было бы меньше. Но, правда, если сразу не убили, то, может, его и дальше убивать не собираются, а это просто страшат? Да и Лугуй же говорил, что Маркел ему нужен живой, что он ему поможет взять Берёзов – так ему Великая Богиня обещала, он сказал. И тут же подумалось: а это кто такая? Маркел про такую не слышал. Или это та же Золотая Баба, только по-другому названная? А что! Такое вполне может быть. И вот тогда...

Маркел задумался. А во дворе продолжали шуметь. Шаман бил в бубен и выкрикивал «Гай! Гай!», а остальные за ним повторяли и дружно притопывали. И так раз за разом, одно и то же, то громче, то тише. Это они к войне готовятся, думал Маркел, это они на Берёзов пойдут. А Маркел зачем им нужен? Да затем, что им одним не взять Берёзов! Нет у них на это ни силы, ни умения, ни пушек, ни пищалей, вот они и затеяли всё это бесовство – по-бесовски пляшут, бесовские песни поют, бесовские грибы жрут, бесовским кумирам кланяются, бесовские жертвы им подносят. Так и Маркела скоро поднесут. Если, конечно, успеют, подумал Маркел, а то может случиться и такое, что вот Лугуй велит подать его к себе, лугуевские люди сюда прибегут, глянут, а Маркел уже готов, холодный. И ох как тогда разгневаются их Великая Богиня, закричит, что как это они посмели подносить ей дохлятину – и отвернётся от них! И не возьмут они Берёзов! Вот где будет смеху, подумал Маркел очень мрачно, закрыл глаза, потом даже крепко зажмурился...

Но не спалось, конечно. Во дворе очень сильно шумели. Маркел лежал, ворочался, слушал вогульские крики и ждал, когда уже за ним придут. Хотелось, чтобы скорей пришли, даже ещё скорей, потому что всё равно того, что должно случиться, не минуешь.

Глава 16

И наконец за ним пришли. Это сперва в землянку спустился караульный с копьём, а после за ним ещё двое вогулов, они оба были без шапок и бритые наголо. Бритые – это не люди, вспомнил Маркел, а это здешние рабы, или, по-вогульски, кучкупы. Это чтобы Маркел видел, как Лугуй над ним насмехается – безволосых рабов за ним прислал, вот какое это оскорбление! Ну да и ладно, подумал Маркел, ещё посмотрим, чем всё кончится, встал и вышел из землянки за кучкупам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.